

Книжная серия «Имена Алтая»
выпуск девятый

Владимир Шнайдер
Герман Шнайдер

ЮРИЙ КОЗЛОВ

(биографический очерк)

Барнаул
2025

ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8

Ш-76

Редакционный совет:

А. Г. Тарабрин, историк; И. Н. Брусенцов, краевед;
А. Н. Плющаев, филолог; Г. Е. Борик, историк, журналист.

Шнайдер В. А., Шнайдер Г. В.

Ш-76 Юрий Козлов – биографический очерк. – Барнаул,
2025 г., 00 с.

ISBN 978-5-6042572-4-1

Очерк написан и издан к 90-летию со дня рождения известного сибирского писателя Юрия Яковлевича Козлова 1934 – 2017 гг.

Все права защищены Законом РФ об авторских и смежных правах. Перепечатка текста или любой его части без согласования с авторами запрещена.

ISBN 978-5-6042572-4-1

© Шнайдер В. А., Шнайдер Г. В.

Вместо предисловия.

Мое знакомство с Юрием Яковлевичем произошло в далеком 1989 году на одном из осенних заседаний Бийского литературного объединения «Парус», которое состоялось в здании торгового училища – ул. Советская, 28. Литобъединением тогда руководил Дмитрий Иванович Шарабарин. Придя на заседание, я увидел, что в центре внимания находится неизвестный мне мужчина. Он что-то рассказывал неспешно и негромко, присутствующие его внимательно слушали. Улучив момент, я поинтересовался у сидящего рядом со мной объединенца:

– Кто это?

– Козлов Юрий Яковлевич, – шепотом пояснил он.

На тот момент я был знаком с Юрием Яковлевичем только по книге «Белый Бом».

Когда народ собрался, заседание пошло своим чередом. Читали-обсуждали стихи, рассказы. Юрий Яковлевич слушал, в момент обсуждения высказывал свое мнение. Делал он это ненавязчиво, спокойно и не торопясь. Не оставил без внимания, соответственно, и мой рассказик.

После собрания Ида Фёдоровна Шевцова пригласила узкий избранный круг литераторов к себе в гости. Я же, естественно, в тот круг не входил, но Юрий Яковлевич почему-то позвал меня с собой. Ида Фёдоровна и другие члены круга избранных молча и, видимо, без особого удовольствия согласились – как-никак САМ Юрий Яковлевич позвал. По дороге до квартиры Шевцовой и в застолье Юрий Яковлевич расспрашивал меня о работе, об интересах, рассказывал о себе.

После этого наши встречи стали частыми – на Шукшинских чтениях, на семинарах и в дни его приездов к родственникам в Бийск. Наши отношения укрепились, когда меня перевели работать в Барнаул, – с осени 1998 года...

Благодаря поразительной эрудиции рассказчик он был великолепный. Слушать его было одно удовольствие не только потому, что рассказывал он интересно, но и потому, что познавалось много. Например, говорит он о директоре какого-либо колхоза или совхоза и ненавязчиво, как бы мимоходом, но в тему расскажет о сельхозтехнике тех лет, ее достоинствах и недостатках, о быте селян, о строительстве и содержании частных подворий, о фермах для содержания крупного рогатого скота, о надоях и т. д. Рассказывая о Чуйском тракте и людях, работающих на нем, не упустит историю строительства и гражданской войны, пару легенд поведаст. Об обычаях и традициях, существовавших в среде чуйских шоферов, расскажет так, словно сам был среди них не один десяток лет.

Последние годы его жизни у нас была общая работа – я попросил его написать расширенную автобиографию для очерка. Созванивались по нескольку раз в неделю, и бывал я у него раза по два-три в месяц. Обсуждали написанное и будущее... Но, к сожалению, написать полную автобиографию Юрий Яковлевич не успел... Нарботок же осталось много.

Глава I

Предки Юрия Яковлевича по линии мамы, Натальи Васильевны, из Орловской глубинки. О них нам удалось узнать только то, что деда Юрия Яковлевича звали Василием Ермаковым и у него было три дочери – Анна, Наталья (мама будущего писателя) и Евгения. Семья Ермаковых крестьянствовала и, видимо, бедствовала, потому как в 1928 году всех дочерей Василий Ермаков отправил в Ейск искать лучшей доли.

Что такое Ейск в конце 1920-х годов минувшего столетия? Небольшой, преимущественно одноэтажный портовый городок, насчитывающий менее 40 тысяч населения. Основная деятельность – санаторно-курортное оздоровление населения страны. С приходом советской власти в нем начинает развиваться некоторая промышленность. Так, например, были построены заводы «Молот»(позже переименован в «Полиграфмаш»), «Сельхоззапчасть» (станкостроительный завод). При заводах, естественно, были конторы и столовые, последние притягивали население в поисках трудоустройства. Еще летом 1931 года в Ейск из Ленинграда перевели Высшую школу морских летчиков и летчиков-наблюдателей ВВС РККА им. И. В. Сталина.

Итак, три сестры приехали в Ейск. После полугодовой деревни городок показался раем: улицы пахли спелой шелковицей – подходи и прямо с тротуара ешь не очень терпкие ягоды. За заборами зрели яблоки, абрикосы и множество другой, неведомой для них вкуснятины. После нескольких неудачных попыток встать на постой сестрам удалось напроситься в частный зажиточный двор, пообещав, что будут сторожить зреющее богатство, а затем и со сбором урожая помогут. Кроме того, сестры могли помочь хозяйке

и со стиркой белья. Сытые казаки умели видеть выгоду и «поддались» уговорам – взяли молодаяк на постой.

Найти кров – это одно, а вот найти работу... это другое. Тем более если образование один-два класса. В течение нескольких дней в поисках работы девчонки обошли практически все имеющиеся в городе организации, но тщетно. На крупных предприятиях, таких как хлебозавод, очередь желающих устроиться записана на год вперед. От безысходности руки опустили – хоть беги из приглянувшегося теплого уголка земного рая назад в деревню. Но бежать не пришлось.

По поводу трудоустройства сестер в Ейске Юрий Яковлевич выдвигал две версии. Версия первая: в последний момент судьба сжалилась – Анна устроилась кондуктором на автобус. Наталье повезло больше – она приглянулась сидящему старшине, ведавшему не то складом в летном училище, не то кухонным имуществом – кастрюлями, сковородками, ложками и прочими «ценностями». Они встретились около проходной летного училища, куда Наталья пришла в поисках работы, завязался разговор, и старшина устроил ее посудомойщицей в курсантскую столовую. Работа оказалось и простенькой, и выгодной – сама сытая и пару кусков хлеба можно было всегда взять для сестер.

Версия вторая, записанная также самим Юрием Яковлевичем: Анна нанялась домработницей к военному высокого ранга и через какое-то время, осмелев, попросила его помочь с трудоустройством робкой, но трудолюбивой Натальи. Военный согласился побеседовать с последней и велел Анне завтра же привести сестру. А после собеседования устроил ее посудомойщицей в столовую летного училища.

Самой младшей, Жене, повезло еще больше – в нее

влюбился морячок. Чувства оказались взаимными, и вскоре молодые расписались, и молодожен пошел штурмовать контору пароходства с вопросом об отдельном жилье для ячейки общества. Вот так благодаря младшей сестре все девушки осели в Ейске.

Теперь несколько слов о семье отца. Козловы родом из Саратовской губернии Аткарского уезда Берёзовской волости хутора Козловского. Деда Юрия Яковлевича звали Пётр Федулович Козлов (1970–1952 гг.). Там, на хуторе Козловском 2 января 1907 года и родился отец будущего писателя Яков. По какой причине и в каком году Козловы переехали в Бийск, установить, к сожалению, не удалось. Но можно с уверенностью сказать, что переезд состоялся до октября 1929 года. Почему такая уверенность? В фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации указано, что на службу в РККА Яков Петрович Козлов был призван Бийским городским военным комиссаром 18 ноября 1929 года. А в Бийск Козловы приехали, всего верней, в поисках лучшей доли. Тогда много семей перебралось в Сибирь на жительство.

Жили они в Бийске, в Зареченской части – ул. Амурская, 28. Семья была многодетной – четверо сыновей и несколько дочерей. К сожалению, имен братьев и сестер своего отца Юрий Яковлевич так и не уточнил. Из имеющихся архивных данных на 1937 год удалось установить, что одного брата звали Владимир, второго – Фёдор. Одну сестру звали Дуся, другую – Надя. Имена остальных неизвестны. Не осталось сведений и о том, чем занимался, т.е. чем зарабатывал на жизнь Пётр Федулович, и как звали его супругу. Но если судить по тому, что Яков (отец Юрия Яковлевича) в середине 1920-х окончил семилетку, семья не бедствовала.

Из тех же архивных документов можно сделать вывод, что в семье Козловых детей воспитывали в строгости и уважении к родителям. Например, в июле 1937 года Яков Петрович, имея на тот год свою семью с двумя детьми, в письме к отцу (Петру Федуловичу) пишет: «Да, папа, денег Вам за прошлые два месяца не высылал потому, что в мае ездил в отпуск и денег потребовалось много, а в июне из-за того что когда была Ната в больнице, то тоже денег потребовалось не мало. В июле я вышлю тебе сразу 100 руб. и дальше буду стараться посылать каждый месяц...»¹ Яркий пример уважения родителей. Хотя на тот период рядом с Петром Федуловичем жили два сына и две дочери, и он не был обделен заботой.

Как было сказано выше, осенью 1929 года Якова Петровича призвали на службу в РККА. В Новосибирске на распределительном пункте Яков был зачислен в войска конвойной стражи, переодет в новую соответствующую форму и отправлен в Читинскую область. Там началась обычная армейская размеренная жизнь – изучение устава, азы строя и пр. Но это было всего лишь началом большого пути. Через некоторое время в штабе кто-то и почему-то еще раз просмотрел документы личного состава, и оказалось, что Яков и еще пара новобранцев имела хорошее (по тем временам) образование – семилетку! И вышестоящее командование посчитало, что с таким образованием быть рядовым стражником – роскошь, не позволительная для молодой Красной Армии. Образованных быстро собрали в Ленинской комнате, объявили высшую волю – армии нужны грамотные командиры и вскорости отправили всех в Москву в 1-ю Советскую объединенную военную школу РККА им. ВЦИК. Была ли на душе радость? Думается, что

---

¹ Орфография и пунктуация сохранены.

да. Могли паренек из сибирской глубинки мечтать о трехгодичной учебе в Москве, да еще о командирской должности? Вряд ли. А тут – пожалуйста!

Но и на этом непредсказуемая мадам Судьба не закончила, продолжила закручивать виражи в жизни молодого сибиряка. В столице Яков обжился, обвыкся и, наверное, мечтал о командирских погонах, как вдруг его вызвали в канцелярию школы, где как-то подозрительно поинтересовались здоровьем. Он пожал плечами, мол, нормальное здоровье и пошутил – «лошадиное». Как выяснилось позже, кроме Якова в канцелярию вызывали еще нескольких курсантов с точно таким же распросом о здоровье. После канцелярии Якова и еще двоих курсантов направили в госпиталь на обследование. А после обследования, выдав сухой паек на несколько дней, все три курсанта были направлены в Ейск в Высшую школу морских летчиков и летчиков-наблюдателей ВВС РККА им. И. В. Сталина.

Если для молодого человека стать командиром было фантастикой, то стать летчиком... выходило за рамки фантастики. Он и верил, и не мог в это поверить. До последнего. С ним ли все это происходит? И уж только прибыв в школу, устроившись, надев учетовскую форму, смог поверить, что это не ошибка, не сон, а реальность. И что через два года он будет не просто летчиком, а военным летчиком.

Глава II

Учеба поглотила с первой минуты. Всё сознание, все чувства Якова были заполнены небом, самолетами. Ни о чем другом он и думать не мог, да и не хотел. Главное – учиться, учиться и учиться, чтобы стать летчиком. Даже замечательный теплый климат, доселе не виданные фрук-

ты, все было на втором, а то и на третьем месте. Так думал он, а мадам Судьба распорядилась иначе.

В школе курсантский состав делился на эскадрильи. И каждый день в эскадрильях назначался свой дежурный, у которого в обязанности входило и накрыть стол в столовой на свою эскадрилью, и отнести после окончания приема пищи посуду в посудомоечную. И в первое же дежурство Яков встретился со своей любовью. После окончания завтрака он собрал пустые миски и понес их в посудомоечную комнату, где и увидел Наталью Ермакову. Правда, тогда он еще не знал ни ее имени, ни фамилии. Как сказано выше, в голове Якова были небо и самолеты, а тут раз – и влюбился. С первого взгляда. И ведь ничего особенного в девушке не было – среднего росточка, худенькая, телесные прелести, на которые обычно западают мужчины, скрывались весьма поношенным рабочим халатом. Но взгляд, улыбка... а может быть, и не это, а что-то другое заставило ёкнуть сердце курсанта и заговорить с девушкой. В столовой долго не поговоришь, а потому Яков без предупреждения решил встретить девушку у проходной и проводить до дома.

Товарищи, видимо догадавшись о намерениях Якова, стали подтрунивать и говорить, что он десятый в списке на сердце привлекательной посудомойщицы. Но, как говорится, не на того напали – сибирский характер выручил и в тот раз. Дождавшись Наталью у проходной, Яков не стал напрашиваться в провожатые, а просто уведомил, что проводит ее до дома, и зашагал рядом. По дороге он увлеченно рассказывал спутнице о Сибири: какая там природа, сколько живности в лесах, какие реки и сколько и какой в них только рыбы не водится, как ее нужно ловить и как готовить, какие у них снежные и морозные зимы. В общем,

не давал Наталье скучать. Самоволка, естественно, дорого обошлась курсанту – в три наряда вне очереди и обещание командира добиться увольнения совратительницы. Но, слава богу, последнее оказалось просто словесной угрозой.

Любовь любовью, а учеба учебой. Яков это понимал и потому после первого наряда вне очереди на рожон больше не лез. Учеба ему, со слов Юрия Яковлевича, давалась легко. Еще легче обстояло дело с физической подготовкой – природа наделила крепким здоровьем, выносливостью и ловкостью. Ведь в то время, когда Яков появился на свет (1907 г.), выживали, как правило, только здоровые дети, а слабенкие быстро уходили в мир иной.

В 1933 году Яков, окончив летную школу, сменил учебную форму на лейтенантскую, получил назначение в 13-ю авиабригаду Северо-Кавказского военного округа, располагавшуюся в городе Новочеркасске. Но перед отбытием в часть Яков и Надежда поженились.

Пока Яков решал на новом месте жилищный вопрос, Надежда продолжала жить с сестрами в Ейске. И позже, когда собралась рожать первенца – Юрия, тоже приехала в Ейск, к сестрам. Именно там, в Ейске Азовско-Черноморского края, 11 июля 1934 года и появился на свет будущий журналист и писатель Юрий Яковлевич Козлов. Первенец, наследник – мечта любого мужчины. Не стал исключением и Яков Петрович. Со слов Юрия Яковлевича, отец посвящал ему практически все свое свободное время, заваливал подарками, сладостями. Даже идя в мужские компании, брал его с собой. Вот как он об этом вспоминал в последний год своей жизни: «В Новочеркасске я встречал папу в конце бульвара. Он подъезжал на автобусе. Из него выходили три-четыре летуна, кто-нибудь подхватывал меня на руки, спрашивал: «Ну, козел молодой, куда пойдём?» – «В пив-

ную», – храбро отвечал я. Они подносили меня к голубому киоску, спрашивали: «Какое пиво будешь?» «Красное», – отвечал я, – это значило – газировку с сиропом».

Но такие теплые, неразлейные отношения между отцом и сыном продолжались, к сожалению, недолго. После рождения дочери Нины Яков Петрович начал быстро остывать к сыну. Хотя это и противоестественно, но факт. В записях Юрия Яковлевича есть такое: «В Новочеркасске у нас родилась сестренка Нина. Папа поостыл ко мне и весь пыл души отдавал ей...» Холодность в отношениях отца к сыну осталась до конца дней первого. Сам же Юрий Яковлевич любил отца, гордился им и хранил все, что было связано с его именем. Хотя некая тень обиды на отца и была в душе, иначе бы запись, приведенная выше, не появилась.

Из детства Юрию Яковлевичу запомнились частые переезды, потому что авиационная часть, в которой служил отец, часто меняла места дислокации для сохранения секретности. Из Новочеркасска в Хабаровск, оттуда, с началом Финской войны, под Ленинград. Кроме этого, семья ездила к родственникам в Ейск, на лечение в Евпаторию, по делам в Крым, с началом Великой Отечественной войны – длительный переезд к родственникам отца в Бийск. И каждый переезд оставил в памяти Юрия Яковлевича какой-либо яркий момент. Например, такую поездку: «...раз я с папой и мамой на пароходе из Ейска в Крым. Был чудесный день. Нас сопровождали дельфины. Они резвились, как дети, то обгоняя один другого, то выпрыгивая из воды, кувыркаясь в воздухе и уходя в глубину.

В Чёрном море просматривалось дно со множеством морских звезд. И вдруг с запада налетел шквальный ветер. Как удар боксерской перчатки. Он гнал перед собой огромную тяжелую волну. Она чуть не опрокинула наш утлый

пароходик, окатила на палубе пассажиров, очарованных звездным морским дном. Люди закричали, запричитали, кое-кто крестился и бормотал, думаю, молитву. Такие смены тогда были характерны для той широты. Было жутковато, но не от волн, а от обезумевших от страха людей. Хорошо не смыло никого за борт. Я сидел на кнехте и ощущал страшный шлепок под зад, а следом солёный ливень брызг...»

Или вот такой случай: «...Где-то у Байкала наш поезд остановился на несколько часов... Объявили сдержано, что впереди произошло крушение товарного состава, там идет расчистка и восстановление путей...»

Помню полеты папы на Хасан (август 1938 года). Я был гласт в четыре года. Мы, ребяташки, бегали в кино к красноармейцам, картины показывали под открытым небом. Мы втискивались между бойцами. В рядах стоял густой запах копченой рыбы...

В Хабаровске я заболел скарлатиной. Сколько провалялся на больничных харчах – в памяти не отложилось. Однажды пришла мама – надо собираться в дорогу. Семьи летунов перевозили организованно и с охраной».

Или вот такие воспоминания: «Летом 1940 года, после финской войны, полк, в котором служил папа, перевели на постоянное место базирования в Сури-Мерийоки близ Выборга (в 7 километрах от границы). Там сохранился финский аэродром, казарма, здание штаба, лазарет, мастерские и магазин. Все это было разбросано на большой территории в лесу, видимо, чтобы не привлекало внимания нашей авиации во время боевых действий.

Нас поселили в красивом каменном двухэтажном доме со всеми удобствами. До нас в нём жили финские лётчики. Мундир одного из них я видел в пустом контейнере для

отходов – серо-бежевый с плетеными погонями и каким-то значком на груди...»

Остались в памяти Юрия Яковлевича и страшные воспоминания: «Мне было лет пять, в очередной мой приезд в Ейск зимой старший парень, лет двенадцати, вызвался покатать меня на санках. Снег в тех краях дефицитен, и мне не хотелось упустить удовлетворение. Витя разогнал санки, на перекрестке крутанул их, я, не ожидая такого поворота, слетел на мостовую прямо под заднее колесо полуторки. К счастью, шоферы тридцатых годов были очень внимательны и осторожны. Я запомнил его, потому что он выскочил из кабины и бросился ко мне. К счастью, пострадала только моя шапка. До сих пор подумаю, как тертая резина стаскивает с головы мою шапку, а она подвязана под подбородком... Помню, как машина остановилась, шофер, охая и ахая, развязал тесемки, и я освободился. Испугался я после, когда прибежал к тетушкам. Испугался и разревелся. Они спрашивают, что случилось, но я не выдал Витьку, соврал, что поскользнулся и упал.

Эта черта характера будет сопровождать меня всю жизнь. Хотя и найдутся свидетели, что это не так...»

Или вот такое воспоминание: «В апреле-мае мы возвращались из Евпатории, где оставили в детском санатории мою младшую сестренку Нину. У неё началась какие-то проблемы с левой ножкой, точнее с тазобедренным суставом. Санаторий был под патронатом наркома Красной армии... В Москве на вокзале нам объявили, что билетов на Ленинград нет. Моё колечко и просьбы мамы на кассира не действовали. Папа пошёл к военному коменданту, и тот нашел для нас три билета в плацкартный вагон в хвосте состава. Мы заняли свои места: папа с мамой в купе, я – на боковушке. Скоро свечерело. Мне принесли матрас, про-

стыню. Поехали. Привычный к перестуку колёс на стыках рельс, я сразу заснул. И проснулся от толчка, когда за окном было зеленое небо. Пассажиры гомонили, как стая гусей, спешно обувались, одевались. Показался проводник – пожилой усатый мужик в форменной шинели и фуражке.

– Спокойно, граждане, спокойно... Просьба к мужчинам выйти наружу. Нужна помощь.

И тут я увидел в окно против своего вагона одноэтажное строение вокзала. И бледную лампочку над дверью вокзала. Какие-то люди сновали по широкому перрону.

– Товарищ военный, – проводник остановился возле папы. Тот натягивал сапоги.

– Объясните, что случилось?

– Крушение. Паровоз вдруг пошел поперек нескольких путей... есть пострадавшие... надо помочь вызволить их из разбитых вагонов...»

Воспоминаний о детских годах, событиях, впечатлениях у Юрия Яковлевича много накопилось, приводить здесь их все мы не будем. Смысла нет. Для нас главное показать атмосферу, в которой начинал жизнь будущий писатель. Окружение, в котором начинал отшлифовывать грани характера.

Глава III

С началом Великой Отечественной войны Юрий Яковлевич с мамой и сестренкой переехали на жительство в Бийск, к родственникам отца. Причина проста: оставаться в центральной части СССР было опасно. А в Бийске, вдали от фронта – спокойней, да и в плане питания несколько лучше – свой огород, а он был у родни, и небольшое хозяйство не дадут помереть с голоду.

В Бийске Наталья Васильевна устроилась на работу. Где и кем, Юрий Яковлевич не помнил – уходила на работу и всё. В Бийске будущий писатель пошел в школу, как большинство его ровесников и друзей, в свободное от учебы время помогал маме и родным по хозяйству, гонял в футбол, купался в Бии, зимой пропадавал часами на льду реки. В общем, рос обычным пацаном. О детских годах, проведенных в Бийске военной поры, Юрий Яковлевич почему-то не любил вспоминать – отделялся общими фразами. И даже письменных воспоминаний не оставил ни строчки. Было и было.

Перелом произошел в 1944 году, когда умерла мама – Наталья Васильевна. Для подростка это стало большим ударом. Какой бы ни была добродушной родня, а маму с папой она заменить не сможет. К тому же Юрий прекрасно понимал, что он и его младшая сестренка, по сути, являются для родственников обузой, лишними ртами. Никто из родни этого, конечно, не говорил, и даже намеков на это не было. Тем не менее после окончания войны Юрий упрямил тетю Надю отвезти его к отцу в Ленинград. Хотелось жить рядом с родным человеком. Но и там жизнь, видимо, сложилась не совсем так, как хотелось ему. Причина в том, что отец создал новую семью, и вряд ли мачеха была рада приезду Юрия. О взаимоотношениях Юрия с мачехой и отцом нам ничего не известно. О мачехе он вообще никогда не говорил, а отца любил и уважал до конца дней.

В Ленинграде Юрий окончил мужскую гимназию, затем, с октября 1952 по октябрь 1953 года работал монтером связи в г. Кингисепп. Во время работы жил на съемной квартире. А в октябре 1953 года его призвали на службу в ряды Советской армии. Призывную медкомиссию, как вспоминал Юрий Яковлевич, он проходил летом: «...шесть

медицинских комиссий за лето и заключение комиссий – годен в морфлот. Мы тогда гордились своей пригодностью к романтическим родам войск. Но в мобилизационной машине случаются сбои. На пересылке, куда нас привезли от Дзержинского вокзала, было тесно от народа и не оказалось «покупателей» в тельняшках. И тут к нам подходит майор с летными погонями, просит сопровождающего показать наши документы. Мы зашипели, как гуси, а майор полистал бумаги и говорит: именно они нам и нужны. Не успели мы зашипеть второй раз, как нас окружили brave парни в габардине, хrome, со значками через всю грудь «Не майтесь дурью, хотите за компот тянуть лишний год?» – во флоте в ту пору срок службы был 5 лет, а в авиации – 4. Я ни один день не попенял, что «покупатели» в тельняшках опоздали к положенному часу. Около полудня два солдата принесли большую коробку с копченой колбасой и толстыми ломтями хлеба. Прощай, морфлот!»

Вот как Юрий Яковлевич вспоминал отправку в воинскую часть: «22 октября 1953 года близко к восходу нас построили в длинную колонну. Кроме нас в недрах перелука находились парни с Прибалтики, Ленинградской области, Запорожья и Кавказа. Грянул армейский оркестр, и колонна призывников двинулась на Московский вокзал. Ленинградцы выглядывали из домов, не понимая, что это значило? Я попал в первый призыв, который провожали официально, с музыкой.

Два дня нас везли не иначе как по «зеленой улице», без остановок. Мы едва успевали разглядеть названия станций, которые оставались не отмеченными нами: Витебск, Гомель...

Белоруссия, ещё истерзанная войной, но уже с дымящимися заводскими трубами. Горе и нужда...

Неожиданно поезд остановился в лесу. Послышалась команда:

– С вещами на выход! Строиться!

Нас высадили в сторону, противоположную станции, – далеко без колонн и других архитектурных излишеств. Состав медленно пополз дальше пустым.

Был удивительно теплый осенний день. Мы вертели головами туда-сюда, искали хоть какие-то признаки населения, кроме вокзала. Лес! Уж не в партизаны ли нас мобилизовали? Но вот послышалась команда: направо, шагом марш! Через 200 метров – бегом! Шагом... Бегом... Первый марш-бросок без объявления...»

Учебная часть, в которой проходил курсы Юрий Козлов, находилась в Белорусской ССР. Последующие годы службы прошли в воинской части, дислоцирующейся в городе Шяуляй на севере Литвы.

В июле 1956 года Юрия Яковлевича, по всей видимости, комиссовали, так как он не прослужил и трех лет из четырех полагающихся. Сам он об этом не говорил, но факт есть факт.

Вернулся Юрий Яковлевич в Ленинград к отцу. В конце августа, связавшись с армейским другом, проживающим в Ворошиловградской² области в городе Свердловске, Юрий Яковлевич уезжает к нему. В Свердловске он устраивается в качестве рабочего очистки забоя на шахту Ново-Гродненскую, где работает до 4 мая 1957 года, затем увольняется и начинает готовиться к вступительным экзаменам в вуз. Но в жизни что-то переменялось, и 12 июля он возвращается на шахту. Правда, ненадолго – 16 ноября того же года вновь увольняется и 17 января 1958 года устраивается рабочим очистки забоя на шахту № 10 им. Володарского.

---

² С 1958 года область переименована в Луганскую.

Через полгода уволился, а через два месяца вернулся, неделю отработал, уволился 31 октября 1960 года, устроился художником в художественную мастерскую КБО (комбинат бытового обслуживания). Но и здесь надолго не задержался – менее через месяц Юрий Яковлевич увольняется. В тот период он читал много и не только художественную литературу, но и философскую, научно-популярную, историческую. Расширял кругозор. Там, кстати, и началось его становление как писателя. Обычно в писатели идут из журналистики, а в случае с Юрием Яковлевичем получилось наоборот – сначала он попробовал свои силы в художественной прозе, а после вошел в журналистику. Для того чтобы читатель узнал из первых уст, как это произошло, приведем фрагмент рукописи Юрия Яковлевича:

«Где-то глубоко, между желудком и сердцем, шевельнулось воспоминание Донбасса – Владимир Малахов, собкор областной газеты по Свердловскому району. Он приехал ко мне по кляузному делу: какой-то член какой-то комиссии обнаружил в моей общественной комнате книжный шкаф, набитый книгами... Обнаружила их женщина – член той комиссии и напустилась на меня, почему я присвоил общественную библиотеку. Она была так напориста в своем возмущении, что не слышала ни себя, ни объяснения комманданта: это его личные книги. Она могла поверить, что любой из нас, балаболов, может запросто, под огурчик на троих выпить две бутылки горилки или «московской», но чтобы тратить с трудом заработанные деньги на какого-то Гейне, Шиллера, Толстых, Горького или Шолоховых, какого-то Ключевского (кто он есть такой и как служит повышению производительности труда?), двухтомник переписки Сталина с Рузвельтом и Черчиллем, шеститомную Всеобщую историю искусств и двухтомник Грабаря «Исто-

рия русского искусства» – бесполезные в голове учения и знания, это если не извращение, то дурдом.

Случай этот, как воробей, запорхал по городу, а там проник в кабинет, в одном из них его услышал Владимир Малахов, журналист, поэт, студент-заочник института им. А. М. Горького. Володя появился в общежитии в тот же день. Заглянул в комнату. Мы с соседом (комната на двоих) Николаем Заровным обсуждали «Золотого осла» Апулея, удивлялись открытости изложения, гоготали, как стая отлетающих на юг гусей. За этим непроизводственным занятием и застал нас Володя Малахов. Представился. Спросил, кто из нас Козлов?

На интеллигента-книгочея Николай тянул больше. Он полгода назад распределился к нам по окончании то ли Киевского, то ли Татарского политехнического. С дипломом инженера он был определен в маркшейдерский отдел, сохранял чистоту, аккуратность и вообще хорош собой. Я же был с царапанными кистями рук, угольная пыль сидела в порах кожи и под ногтями.

Мне немного обидно сделалось: неужели мой вид пролетария ни о чем не говорит ему? Я догадывался, что незнакомец был продолжением утренней комиссии и, молчавший при напористой женщине, вдруг настроился на дерзость.

Указав на Николая, я ни словом не сопроводил жест. Но гость не видел его, прилипнув носом к стеклянной дверце шкафа.

Оценив качество библиотеки, он вдруг спросил:

– Ты сам-то не пробовал писать?

– Ой, да что вы?!

– У тебя все это отложилось в голове... Чем черт не шутит.

– Да ну...

Мы проговорили часа два. Неожиданно Малахов спросил:

– А не хочешь ли ты поработать в городской газете? Могу рекомендовать.

– Ой, не надо.

Он полистал том «Нюрнбергского процесса».

– Прочитал все пять томов?

– Нет. Скучно. Особенно они кажутся мне глуповатыми. Подсудимые и американские судьи не говорят, а лопочут, «делают красиво», но содержание поверхностное. Так я думаю.

– Тебе определенно надо идти работать в газету.

– Мне больше нравится искусствоведение.

– Ну вот, сам себе противоречишь. Искусствовед, – он провел пальцем по корешкам «Всеобщей истории искусств», по Грабарю, по трем «рослым» томам из серии очерков «Истории русского искусства».

– Ты, поди, рисуешь? – догадался Малахов.

– Немного, – признался я.

– Врет, – включился Заровный. – Может портрет с натуры сработать.

Мы расстались с поэтом, корреспондентом, студентом. При прощании я обещал попробовать своё перо...

Назавтра я купил несколько школьных тетрадей, ручку и флакон фиолетовых чернил... Вообще-то, ручка у меня была. И чернила к ней были. Но новое дело, попытка испробовать себя в возвышенном качестве виделись мне, как некий карнавал, праздничный фейерверк, нечто из ряда вон... И они требовали свежих инструментов.

О чем писать? Вспомнил читанную в каком-то журнале статью о протестантах, бежавших из Англии на корабле

«Мейфлауэр» в неведомую Америку. Ну и что? Эта новость устарела лет на 400. Но мне нравилось название ветхого корабля. И я стал выдумывать, как его использовали современные американцы для кода шпионской операции. Получилось длинно, наивно. И без конца. Я не мог сходу придумать его.

Пришел Николай. Одобрил попытку «творить». Спросил, о чём опус, а когда услышал ответ, вдруг засомневался.

– Ты что-то новое открыл?

Я назвал источник.

– Там же половина фантазии. Едва ли протестанты оставили письменные свидетельства о том походе. А если и оставили, то их надо искать в английских, американских архивах. И на каком языке они написаны? Была ли у них письменность?

Наступил и растер мой опус, как плевков. Я понял, что напрасно потратился на «инструменты». Однако Николай сжалобился.

– А язык у тебя хороший. Малахов был прав, приглашая тебя в редакцию. Думай. Не отталкивай добрый совет. Такое бывает реже, чем приглашение на белый танец... Для любого пишущего важна тема... Мастерство начинается с выбора темы. Да такой, чтобы она поражала новизной!

Ему было легко долбить мне темечко. У него золотая медаль за школу, красный диплом он получил в университете. К тому же он не водил взглядом по строчкам книг, а «глотал» их, перелистывая страницы. Так читал Ленин, скромно объясняя быстрое перелистывание страниц, что ему надо много успеть прочитать...

Я вспомнил Льва Васильевича Успенского. Он трижды был у нас в библиотеке. «Я ничего не выдумываю, – говорил он. – Жизнь дарит такие сюжеты, что только успевай

их записывать». Странно, что только такие я вспомнил же встречи и слова большого мастера. Для чего-то же я ходил в ту библиотеку, слушая мудрого человека? Даже выступая, говорил о герое романа Женьке Федченко. Почему же я не взял полезную информацию из первых уст?..»

В газете работать, конечно, не довелось. Но сама мысль, что он может писать, может творить, засела в голове прочно. И желание такое было.

В начале декабря 1960 года Юрий Яковлевич, списавшись еще с одним армейским товарищем, проживающем в Ангарске, молодом, но быстроразвивающемся городе Иркутской области, снялся с насиженного места и переехал к нему. Там он устроился на Ангарский керамический завод, учеником по росписи керамических изделий, через месяц сдал экзамен на второй разряд, затем был переведен модельщиком 4-го разряда. Казалось бы – нашел себя, но что-то не пошло на новом месте, и 12 июня 1961 года Юрий Яковлевич принимает решение перебраться на постоянное место жительства в Бийск, к тете Наде, родной сестре отца. К тем людям, с которыми жил бок о бок в последние годы жизни мамы. Чем было продиктовано такое решение – неизвестно.

Вот как вспоминал Юрий Яковлевич свой приезд к родным:

«28 июня 1961 года я вышел на перрон Бийского вокзала. Вышел, пропуская торопливых пассажиров, огляделся, припоминая, не ошибся ли я станцией. Не вспомнил, откуда пустился в Северную столицу. Ну, что тут поделаешь, мне тогда исполнилось только одиннадцать лет, и я был несамостоятельным. Меня, как помнится, сопровождала тетя Надя.

Здание вокзала было расцвечено флажками – красными,

синими, желтыми, зелеными. Мне бы шевельнуть мозгами, почему праздничность, расцветченность, но я был немного возбужден предстоящими встречами, охаменно подумал, что город вырядился по случаю моего возвращения, и направился в камеру хранения. Чемодан с холостяцким гардеробом, несколькими книгами был тяжеловат на тот случай, если мне придется искать улицу Октябрьскую, дом 11.

Облегчившись, я ступил на привокзальную площадь. Она была залита ещё не жарким солнцем, тоже пестрела флажками, воздушными шариками, транспарантами. Один из них объяснил мне – темному, что в тот день был праздник советской молодежи. И разочаровал. Я уже начал привыкать к предположению – не в мою ли честь такой наряд?

Дом я нашел, будто только вчера покинул его: тот же палисадник с акациями. Даже те самые ворота сохранились, будто из железа или камня сработаны.

Я постучал в окно, скрипнула дверь, звякнула щеколда на калитке, и я увидел тетю Надю, сильно поседевшую, но, как и прежде, прямую, даже осанистую.

– Тебе чего? – спросила она, глядя в меня. Не узнала, а точнее – не разглядела. У неё уже началась катакстра.

– Теть Надя, – немного испугался я. Но она вдруг признала меня.

– Юр, ты, что ли?

Мы вошли в дом. Тетя Надя позвала протяжно:

– Д-е-е-во-чки!

Из дальней комнаты выпорхнули две девчушки. Одна худенькая – старшая Галина, и младшая Надя посправней тельцем. Галя была похожа, как я пойму потом, на отца. Надя на бабушку Надю.

Я выругал себя мысленно за то, что ввалился в дом без подарков. Из Жениного письма я знал о девочках. Но не сообразил хотя бы конфет купить.

Вскоре пришла Женя, всплеснула руками:

– Вымахнул-то!

Вытянувшись и повзрослев, я мало изменился.

Поговорив о том, о сём, я вышел на крыльцо, сел на верхнюю ступеньку, закурил. Следом за мной поспешила тетя Надя.

– А Шарик тебя не...

– Какой Шарик? – я огляделся, увидел цепь, идущую под крыльцо. И почувствовал собачий глаз, собачью морду, явно клыкастую и сильную. Шарик, не мигая, глядел на меня из-под крыльца, кажется что-то соображая. Тетя Надя тут же позвала его. Он тут же вышел, отряхнулся, обнюхал мои колени. Был он среднего роста, крепенький и лохматый – черно-белый. Такой если хватит, то штанами не отделаешься.

– Что, Шарик, признал Юру? – спросила тетя Надя. – Он будет у нас жить.

Пес ткнулся мне в руку, я погладил его по голове. Контакт состоялся...»

О поре возвращения в Бийск в начале 1960-х и жизни в нем до отъезда в Барнаул у Юрия Яковлевича написано много воспоминаний. Все они дневникового стиля, а потому мы будем приводить только те фрагменты, которые, на наш взгляд, будут касаться его становления как журналиста, писателя, творческой личности.

«Месяц я «валял дурака», бродил по старым улицам Бийска, восхищался их роскошью, уютом, запахом старины. Я пытался узнавать дома, в которых должны были жить мои соклассники, и мне удалось это. Так я услышал,

что Юра Колбацкий умер, дотянув до 20 лет. Сережа Камаев перебрался в Барнаул или Томск и затерялся...

Дом Толи Волина я не узнал. Не узнал дом Лянки... Дом Толи Гилева я помнил отлично, но Женя³ сказала, что Гильза как ушел в армию, так и не вернулся. Будто бы осел в Алма-Ате...

Вспоминал: вот здесь я лишился шапки – сдернули с головы и убежали два начинающих гопстопника, а вот там разорвал штаны – бесценный элемент гардероба, на этом заборе наступил на колючую проволоку, и Юрка Цаплин протыкал иглой мне нарыв на пятке...

Вставая, я купался в Бии, резался в волейбол на песчаной косе острова... На песчаной косе я познакомился с парнями. С одним из них, Толей Застрежневым, мы подружились, составляли друг другу компанию. Сегодня это удивительно, но мы не разменялись на спиртное, ходили в горсад на танцы, в пединститут на их научные студенческие мероприятия.

Шагая к дому, я размышлял, что надо иметь совесть, устраиваться на работу. Жекин муж тут же предложил тарный цех завода «Трансмаш», где работал сам. Я обещал подумать. У меня не было прочной профессии – ни токаря, ни фрезеровщика. Так себе, ни богу свечка ни черту кочерга.

– Так я поговорю с начальником? – напирал утром Николай. Он, наверное, решил, что я приехал к ним на хлебником.

– Дай ещё денек подумать.

После завтрака я вышел из дома и побрел по улице Советской. Против пединститута была типография и редакция городской газеты «Бийский рабочий». У входа висел стенд со свежим номером выпуска.

---

³ Старшая дочь тети Нади, двоюродная сестра Юрия Яковлевича.

В магазине канцтоваров купил бюст Сергея Есенина. Несколько школьных тетрадок и ручку с разными перьями. Вечером написал рассказ. На следующий день понес рассказ в редакцию «Бийского рабочего». Там познакомился с заведующим отделом писем, культуры, литературы, искусства и образования Виталием Степановичем Шевченко⁴. Редактор тогда был Иван Павлович Полещук. Рассказ, конечно, не напечатали, но сказали, что рука крепкая...»

После «Бийского рабочего» Юрий Яковлевич, как большинство начинающих писателей, решил попытать счастья в другом печатном органе – он пошел в районную газету «Заветы Ленина»⁵. Там к рассказу отнеслись более благосклонно и предложили работать у них корреспондентом. И Юрий Яковлевич решил, что работа корреспондента газеты больше соответствует его душевному желанию, нежели труд в тарном цехе «Трансмаша». Не подумайте, что он чурался физического труда. Нет. Для человека, отработавшего в шахте не один год, тарный цех завода – легкая разминка. Просто он уже четко решил, что посвятит себя служению Слову. В советскую эпоху что журналист, что писатель служили Слову. Конечно, возможно, он и не мечтал стать членом Союза писателей. Ведь тогда писатель для простого человека был личностью особенной, величиной! И далеко не каждый здравомыслящий считал, что он может стать писателем. Юрий Яковлевич хотел писать. Душа требовала.

Но, кроме желания заняться литературным трудом, Юрий Яковлевич пытался и реализовать себя как художник-

---

⁴ Виталий Степанович Шевченко, член Союза писателей СССР с 1977 г.

⁵ С 20.04.1962 газета в очередную компанию укрупнения районов стала называться «Ленинский путь», с 1991 года «Моя земля».

график. Сам он, конечно, об этом не говорил, но в архиве дочери Натальи есть письмо из газеты «Алтайская правда» (датировано 26.07.1961), в котором зав. отделом информации пишет «Рисунок Ваш понравился. Было бы хорошо, если бы Вы стали регулярно сотрудничать с нами. У нас есть раздел «И в шутку и всерьёз», пока влачащий довольно скучное существование. Он весьма нуждается в карикатурах и изошутках. Можно брать и совершенно конкретные темы (скажем, загрязнение Бии, уничтожение бора в Заречье, что-то о церкви и футболе и т.д.), ...а также дружеские шаржи... Ждем! Шлите рисунки на мое имя»⁶. Значит, пытался освоить ниву газетного художника. Не понравилось или Слово перевесило?

С 10 августа 1961 года он стал корреспондентом Зональной районной газеты «Заветы Ленина». Начались журналистские будни. Его, как молодого и не обремененного семьей, часто направляли по району за материалом. Он ездил с удовольствием – новые знакомства, новые характеры, интересные люди, занимательные истории (совет товарища искать тему он запомнил на всю жизнь)... как раз то, что ему было нужно. И судьба подарила ему случай, который лег в основу его рассказа. Дело было так: его направили в Буланиху⁷. Впрочем, приведем фрагмент воспоминаний:

«...я в Буланиху съездил на поезде. Он выходил из Бийска в половине восьмого вечера, потом он пилил дальше, а желающие выйти в Буланихе – выходили.

Вот я вышел, около станции несколько лошадок стоит. Мужики собрали тех, кого встречали – бабенок, родственников, знакомых, и укатили. Я один остался. Но я заметил, в какую сторону умчались возницы, и пошел в том же на-

---

⁶ Орфография и пунктуация сохранены.

⁷ Ныне село Зонального района.

правлении. А до села девять километров. Шел... Луна щекастая, деревья как сказочные... Мысли всякие лезли... Рощи, в которых волкам красота! Декабрь месяц, мороз...

И вот я пришел в Буланиху. А на кого я опирался в Буланихе? На Мишу Мокшина! Меня редактор с ним познакомил, когда он появился в редакции. Редактор говорит: вот, познакомься, это наш поэт из Буланихи – Триэмов. У него псевдоним литературный был такой из первоначальных букв фамилии, имени и отчества – Мокшин Михаил Михайлович. Вот я и пошел Мокшина искать. Нашел. Все нормально – Мокшин принял меня. Это было часов в одиннадцать. Для села неурочный час – обычно село в это время спит.

Утром проснулся, лежал, лежал – ёлки-палки! Эти: луна, рощи, снег – и я начал картину рисовать. И нарисовал рассказ.

А когда приехал в Бийск, редактор говорит: строчки давай, строчки! Мне неважно что, строчки давай! И я сел писать рассказ. Первый мой рассказ о том, как товарищ Семенов – подлинное лицо, основатель бийского комсомола, шел в эту деревню, и как его догнали двое – парень и девушка. Догнали и перегнали. И вот тут есть такая деталька интересная – они, говорит, перегнали, а я перетрухал. Что же, говорит, я такой трусливый-то? У меня же револьвер и четыре патрона. Чего же я испугался-то? И вот в семидесятые годы Коля Богормистров из Камня-на-Оби говорит, Юра, я тут рассказ написал, и дает мне свою каменскую газетку. Я читаю и... немножко что-то моё, и что-то не моё – правлено крепко. Но... револьвер и четыре патрона и «чего я испугался? У меня же револьвер и четыре патрона!» И вот эта вот фраза... ну, не может она совпасть ни с кем, а она там два раза повторяется. Когда там назавтра узнают в

деревне, что парня и девушку убили. И вот он наутро думает: у меня же был револьвер и четыре патрона! Вот это вот проскочило в рассказе Богормистрова. Я говорю, Коля, а ты нигде не читал этого? Да нет, отвечает. И тут он сообразил – да это мне старик рассказывал. Я спрашиваю: и говорил про револьвер и четыре патрона? Да я же их придумал, эти патроны-то и этот револьвер! Так мой первый рассказ был пересказан другим автором. По-русски говоря – украден. Вот так первая моя публикация...

И вот я в декабре 1961 года пошел на встречу с Квином. Читают стихи, но Квин к стихам не очень уверенно, тогда я ему эту газетку достаю, он говорит: читай вслух. Я прочитал. Квин задумался, задумался, потом говорит: я понял, что это рассказ о доверии. Ничего себе, думаю, какое понятие – доверие! Там частный случай, а он вот так вот расценил. Вот так я и познакомился с Квином. И самое главное, что я узнал, что на Алтае есть писательская организация».

Это были первые шаги в писательское сообщество, знакомство с писателями Алтая. Там же Юрий Яковлевич знакомится с такими же начинающими писателями, как и он сам, – Георгием Рябченко, Дмитрием Шарабариным, Идой Шевцовой, Людмилой Целищевой, Валерием Фединым, Михаилом Длуговским и многими другими. С кем-то сложились дружеские отношения, с кем-то товарищеские...

В журналистике в советское время работать спустя рукава было просто невозможно. Газета выходила пять раз в неделю, и в каждый номер требовалась «передовица». Спасительного Интернета, слава богу, не было. Сотовых телефонов тоже. За материалом приходилось топтать с карандашом и блокнотом. Собкоры многотиражек, районок и городских газет о диктофонах и мечтать не могли, а статьи в лучшем случае набивали на пишущих машинках. Работа

поглощала полностью. Но те, кто хотел создать что-либо, выходящее за границы газеты, находили время и создавали. Так, например, происходило и у Юрия Яковлевича. Работая в районке, он начал собирать материал о Чуйском тракте. По крупицам. Изначально, конечно, тот материал кроился по газетному формату и публиковался в газете «Ленинский путь». Статьи начинающего корреспондента заметили в краевой прессе и пригласили работать в газету «Молодёжь Алтая». Вот как об этом пишет сам Юрий Яковлевич:

«...А в 1963 году, третьего января, вроде бы так⁸, сразу после Нового года, прихожу на работу, редактор (Добрынин) зовет и говорит:

– Прощаемся мы с тобой.

– Как? – удивился я.

– А вот на, – говорит, – телефонограмму из крайкома партии из сектора печати: «Командировать Козлова в распоряжение газеты «Молодёжь Алтая».

Да вы что, говорю, я ещё тут не научился, а вы меня уже туда. Правда, я уже печатался в «Молодёжке». Собирайся, говорит редактор. Так, может, нет, пытаюсь отступить я. Нет, говорит редактор, крайком сказал – езжай, вот тебе командировочные и дуй.

Я приехал в Барнаул, зашел в крайком партии. Тогда было проще зайти в крайком партии, чем в администрацию. К Павлу Антонову, это мой первый редактор сельской газеты. Сидит он, важный такой: черный костюм, белоснежная рубашка, таким я его там, в редакции, не видел. Он говорит: мы тут немножко подумали и решили привлечь тебя в «Молодёжь Алтая». Он таким тоном сказал

---

⁸ В газету «Молодёжь Алтая» Ю. Я. Козлов принят литературным сотрудником 28.01.1963.

«мы», что было понятно, что это «Я», за весь сектор печати он и решил. Посидели, поговорили, и говорит: – Мы тебя мыслим поставить не ниже зав. отделом. Я растерялся, и говорю: – Павел Александрович, я же слабачок ещё, неуверенный человек в журналистике. Он отмел возражения: – Партия сказала – делай. И тут же позвонил в «Молодёжь Алтая». Редактор там был Ильичёв, но его не было, он был где-то в запое. Он мог по несколько дней быть в запое. В его отсутствие командовала всем Зоя Михайловна Александрова. Он с ней поговорил и мне: – Ильичёва нет, но ты пойдешь к женщине, которая мудрая, как жена Соломона, – Зоя Михайловна Александрова. Вот ей и представишься. И тут же набирает её номер, она снимает трубку, он ей говорит: – Зоя Михайловна, мы сейчас подошлем к вам товарища, имейте виду, что мы его мыслим не ниже заведующего отделом. Для меня полный крах вообще. Что он делает? Это же СВЕРХУ такой звонок в «Молодёжь Алтая», в молодежный коллектив! Ну, так оно и получилось! Прихожу в «Молодёжку», они все выстроились, навытяжку стоят. Сначала я не понял – цирк, думаю, что ли? Это же они меня так принимают! Так велено из крайкома партии.

Когда появился Ильичёв, я, значит, с ним разговариваю, он успокаивает: – Всё нормально, старик, всё нормально. А потом он вдруг стал как-то мимо меня смотреть. Я к нему подхожу, он мимо меня смотрит, разворачивается и уходит. Тут, думаю, что-то не то... Оказалось, что Антонова уже снимали с заведывания отдела печати и ко мне тоже изменилось отношение, как к антоновцу. Антоновскому ставленнику. И когда я это понял, тут же написал заявление уволить меня по собственному желанию. А в эти два месяца, которые я отработал, увидел в редакции здоровенного, в кожаном реглане и кепке мужика – Попов

Виктор Николаевич. Он показался мне глыбой! Я спрашиваю: – Кто это? – Да ты что! Это писатель Попов. Я же из деревни приехал, откуда я его знать мог. А Попов на меня: – Ты кто такой? Я вроде ответить, а он уже о другом. Он такой по натуре – задаст вопрос и не слушает ответ, уже о другом говорит. Ну, все ясно. И Попов мне сказал: – Ты тут не развешивай уши-то, заходи в писательскую организацию. Запросто приходи. Вон, Ленина, дом восемь, второй этаж. Там тебе скажут. А у писателей там была маленькая комнатка и ещё меньший чуланчик, где бухгалтерист сидела, жена Дворцова. И я воспользовался предложением, зашел. Сидит немолодой мужик, как оказалось потом, это был Дворцов. Увидел меня: – Вы к кому? – Да я вот, по приглашению писателя Попова.

– А Попов тут не сидит, он дома сидит.

Попов, кстати, жил тогда на проспекте Комсомольском в двухэтажном доме. Вот так я познакомился с Дворцовым. Он, конечно, меня не очень приветил, но и не отнесся плево – поинтересовался, чего хотел, что нужно?

И вот я уволился из «Молодёжки»⁹, вернулся в Бийск...»

Такой оборот дела, разумеется, не мог не оставить следа в ранимой душе творческой личности. Вернувшись в Бийск, Юрий Яковлевич, видимо, некоторое время переживал по поводу своего незаслуженного увольнения из краевой молодежной газеты, потому и на новое место работы не сразу пошел, а некоторое время побыл с собой наедине. О возвращении в «Ленинский путь» и речи быть не могло – полагал, что за спиной могут и язвить – мол, «сходил» на повышение, быстро вернули назад. Потому новым местом работы выбрал городскую газету «Бийский

---

⁹ Уволен из «Молодёжи Алтая» 01.02.1963 по собственному желанию.

рабочий»¹⁰. К тому времени в «Бийском рабочем» уже работали В. С. Шевченко, И. И. Березюк. Кроме того, при газете работало литературное объединение «Парус», руководил им известный на Алтае журналист и поэт М. Ф. Длуговской, автор двух поэтических сборников и ряда публикаций в коллективных сборниках.

О той поре у Юрия Яковлевича много теплых и веселых воспоминаний. Вот, например, как он ходил на заседания литературного объединения: «... Вот стал я прилипать к литературе через Бийское литобъединение. Руководил им Длуговской. Он был в таких смешных историях, не дай бог! На одном заседании ругает Вознесенского – извращенец там, пишет всякую чепуху и т.д. А тут я пришел с томиком Вознесенского. Он увидел, спрашивает: – Где взял? – Да вон, отвечаю, в книжном купил. – А там ещё есть? – Конечно. – Пойду, говорит, куплю, а то я его не читал. Смех – ведь вчера только поливал его почем зря! Там бывали всякие комиксы. Но тем не менее я считаю, Длуговской сделал много для литературного объединения – он собрал в единое целое всю пишущую братию, и все к нему ходили. Чему он их мог научить? Бог его знает. Тут появляется некто, как Ангел с неба – Гена Володин из Барнаула. Сидит у входа и, видать, поддатенький крепко. Кто-то читает свои стихи, и он трубит: – Что ты там читаешь, что глупости-то прешь? Убирай это всё! Да вы кто? Да вы никто же не умеет ничего!

Он представился. Я читал его репортажи большие поэтические в «Молодёжке». И тут я ему говорю: – Слушай, ты, как не знаю, с высоты твоего центра так поливать деревню...

И вот мы с ним так познакомились. Он не был членом

---

¹⁰ Принят 05.03.1963 литературным сотрудником.

Союза, но был вхож в писательскую организацию. Всех знал, со всеми были хорошие отношения...»

В 1963 году в жизни Юрия Яковлевича произошло знаковое событие – он женился!¹¹ Создалась семья. А уже в следующем, 1964 году у молодой четы родился сын – Алексей¹². Супруга – Антонина Леонидовна, с головой ушла в воспитание сына, но, зная и видя стремление и желание супруга стать хорошим журналистом, владеть Словом, настойчиво направляла его в институт на филфак. В итоге в 1964 году Юрий Яковлевич поступил учиться в Бийский государственный педагогический институт на заочное отделение. Но, как оказалось позже, госпожа по имени Судьба начертала Юрию Яковлевичу несколько иной путь.

В самом конце 1964 года (1 декабря) Юрия Яковлевича из литературного сотрудника перевели заведующим отделом писем. Так сказать, получил повышение. А способствовало этому событие, имевшее место в марте 1964 года, – его приняли в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

Глава IV

Едва жизнь начала налаживаться, как из краевой столицы вновь поступило лестное предложение – стать сотрудником всё той же «Молодёжи Алтая». Вот как об этом вспоминает сам Юрий Яковлевич:

«...И вот меня в 1965 году по телефонному звонку Майоров... новый редактор «Молодёжки»:

– Слушай, старик, ты чего сбежал и даже никаких концов о себе не оставил.

---

¹¹ Декабрь 1963 года.

¹² 27.10.1964.

Я говорю: – А какие концы я должен был оставить? Ты же меня нашел в «Бийском рабочем».

– Слушай, ты не против поработать у нас?

– Не знаю, получится ли? Я же на районном уровне работаю, а вы же краевые.

– Ты давай, это самое, приезжай. А, нет, я к тебе Соколова пришлю.

Приехал Славка Соколов.

– Старик, ты знаешь, он побывал в Америке, он посмотрел американские газеты, говорит надо делать вот так, вот так, по-американски. Поедем в секретариат. Он был ответ-секретарь, а ему помощник был нужен для верстки... по приезду в Барнаул меня сразу определили на жительство в гостиницу крайкома партии. В комнате со мной жил Комраков Гена¹³, его из Рубцовска вызвали в «Алтайскую правду». Так мы прожили две недели, и я говорю редактору, что жить в гостинице всю жизнь не собираюсь. Он тогда отправил меня назад в Бийск, сказав, что как только решится вопрос с квартирой, меня сразу вызовут. Примерно через полмесяца меня вызвали и дали квартиру на ул. Советская, 6. Точнее, не квартиру, а комнату – санузел и кухня были общими...»

Предложение заманчивое, но горький опыт переезда уже имелся и второй раз Юрий Яковлевич рисковать рабочим местом не стал – лучше синица в руках, чем журавль в небе. Работать в краевую газету он поехал, но уволиться из «Бийского рабочего» до получения жилплощади в Бар-

---

¹³ Г. Б. Комраков, 1935 г. р., на день знакомства с Ю. Я. Козловым имел ряд публикаций художественных произведений в альманахе «Алтай», журнале «Сибирские огни», «Литературной газете». Автор сборника рассказов «Прощай, гармонь!» под редакцией писателя В. Н. Попова.

науле не стал. Так, в его трудовой книжке есть запись о том, что 14 апреля 1965 года он зачислен литературным сотрудником в газету «Молодёжь Алтай», а 15 июня того же года переведен из газеты «Бийский рабочий» в газету «Молодёжь Алтай»¹⁴. Получается, работал без официального трудоустройства. Но опять же, есть запись от 6 июня того же 1965 года, что он назначен старшим литературным сотрудником секретариата «Молодёжи Алтай». Крепко запутан узелок.

Работа в краевой молодежной газете, где поле деятельности многократно больше и требовательность к материалам значительно выше, многое дала Юрию Яковлевичу в становлении стиля, слога, построении сюжета, прописке характеров героев. Но, во-первых, конечно, это люди, с которыми доводилось работать. В том числе профессиональные писатели и журналисты. Желание приобретать энциклопедические знания, как мы писали выше, Юрию Яковлевичу было даровано с рождения, а потому он черпал знания не только из книг, но и от встречающихся интересных людей. И большинство его журналистских работ как раз о людях незаурядных. Он ждал, когда судьба преподнесет ему интересную встречу на блюдечке с голубой каёмочкой, он сам искал такие встречи. Так, например, он вышел на писателей В. Н. Попова, А. С. Трескова и Н. Г. Дворцова, от которых и многому научился, о чем сказано в начале абзаца. К месту заметим, что редактировал первую книгу Юрия Яковлевича «Есть над Чуей-рекою дорога» А. С. Треков, к тому времени автор трех книг прозы и редактор Алтайского книжного издательства с опытом работы более десяти лет.

В 1966 году Союз журналистов СССР проводил ежегод-

---

¹⁴ Из личного архива В. А. Шнайдера.

ный Всесоюзный конкурс очеркистов. Принял в нем участие и Юрий Яковлевич. Сам ли он на это решился или посоветовал кто – история умалчивает. Главное – он стал призером, получил 3-ю премию. Ничего не скажешь – достижение!

Далее. В 1968 году Центральный Комитет ВЛКСМ наградил Юрия Яковлевича в связи с 50-летием ВЛКСМ памятным юбилейным значком ЦК ВЛКСМ. В этом деле без ходатайства редакции газеты и крайкома ВЛКСМ точно не обошлось. Далее, в августе 1969 года Юрия Яковлевича от газеты по согласованию с крайкомом ВЛКСМ командировали в Монголию. Вот как он об этом событии вспоминает:

«...Майоров отправляет меня в Монголию. Я тридцать четыре дня колесил по Монголии на «ЗиЛ-157», на армейском. Много я там собрал материала. Например, я оттуда полностью вывез «Версию». Нашел там фамилию на бетонной стеле – Никитин. Это оказался красноармеец. И они произносили его на свой манер – НиКиТин. И потом, как выяснилось, погиб он геройски – взорвал себя гранатой в окружении белогвардейцев-кайгородовцев. И мне стало интересно: в двадцать первом году человек совершил такой подвиг. Зачем? Ну, красноармеец, ну, взяли бы в плен? А я уже начитался всяких документов, Кайгородов всегда предлагал красноармейцам сдаться и быть свободными у него в отряде. Он не убивал тех, кто сдавался. Вот эту историю раскрутил. Лет десять я разматывал, кто такой Никитин. Он оказался из отряда Байкалова, массу других удивительных фактов...

И никто не знал, как звали Никитина, все музеи – Иркутский, Подольский и многие другие отвечали: интересующих вас документов нет. Как так-то? Куда же они провалились? А никто не хотел этим заниматься, лень! Конец

шестидесятых, кому оно нужно? И вот я ковырялся, ковырялся и нашел книгу «Старой и новой Монголии», автора не помню, но помню, что он тридцать лет проработал у бийского купца Разумника Ивановича Кузнецова в Монголии. Человек образованный, закончил преподавателем монгольского языка в Ленинградском университете. Но был репрессирован в 1942 году, в блокаду! Удивительно. Но он успел оставить «Записки о старой и новой Монголии». И вот читаю на одной из страниц «...после приезда к нам Тихона Максимовича Никитина...», а в Бийске жил Леонтий Максимович Никитин, который именовал себя братом погибшего в Монголии Никитина. А я же не могу поверить на слово какому-то Леонтию, мне же нужны доказательства – и вот они, эти доказательства. Ну, в общем, нашел массу интересного материала... в писательской организации такое мероприятие – «Встреча с интересными людьми». И вот меня выдернули на эту встречу после Монголии. Я им час примерно балаболит про Монголию, про Никитина. После этого ко мне подошел Сергеев: – Вот, ты правильный, ты умный человек, ты интересные вещи рассказываешь, пиши, пиши! А я в это время уже горел Колькой Снегиревым. По Бийску искал шоферов Чуйского тракта. В конце концов нашел Марию Михайловну Панкову, которая сказала: какой хоронили Кольку? Да вон же он живет, напротив Дворца культуры химиков. Поехали, покажу. У неё «УАЗик» был с открытым верхом. Сели мы в него и помчались. По дороге она говорит: – Ты водки-то возьми. Заехали в магазин, я взял две бутылки, консервов и ещё там чего... И вот так познакомился я с Колькой Снегиревым – Николаем Васильевичем Ковалевым. А песню написал его друг детства Михаил Михеев...»

Работая в «Молодёжке», Юрий Яковлевич имел возмож-

ность потрудиться и в краевом архиве, соприкоснуться с документами о Чуйском тракте, Гражданской войне. Тем более что обе темы плотно переплетены.

В результате поездок по Чуйскому тракту, кропотливой работы в краевом архиве, встреч с людьми, многочисленных переписок и т.д. у Юрия Яковлевича скопился огромный материал о первых работниках-шоферах Чуйского тракта. Как его использовать? Сделать из него художественное произведение – недостаточно опыта, может не получиться, и время потратишь зря и материал вдохновение пройдет. Юрий Яковлевич написал большой очерк «Самый первый». Для газеты большой, и редактор Ю. Майоров предложил отнести очерк в альманах «Алтай», куда он отнес рассказ о Гражданской войне «Последние выстрелы». Юрий Яковлевич рискнул, хотя и страшновато было – редактором альманаха на тот период был Л. И. Квин, а членами редколлегии П. Бородин, Н. Дворцов, М. Юдалевич, В. Сидоров – все известные в крае писатели. Почему волновался? Потому что тогда членами редколлегии не числились, а работали, вычитывали весь материал. Очерк Юрия Яковлевича взяли в печать, но дорабатывать ему пришлось крепко, замечания в основном сделали Бородин, Юдалевич, Дворцов и Сидоров¹⁵.

Далее, в 1970 году в альманахе «Алтай» почти подряд, во втором и четвертом номерах, еще выходят очерки – «Длинные ночи» о пенсионерке из Бийска и «Алексей – тёзка Алексея» о трактористе из села Солоновка Волчихинского района. И, кстати, почти без замечаний редакционного совета.

В конце марта 1970 года Алтайский краевой Совет депутатов трудящихся от имени Президиума Верховного

---

¹⁵ Опубликован очерк в альманахе «Алтай» № 4 за 1969 год.

Совета СССР наградила Юрия Яковлевича государственной наградой – юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Вроде бы все складывается удачно, но одно не дает Юрию Яковлевичу покоя – образование. Он прекрасно понимает, что работать в краевой газете без высшего образования с годами будет труднее и труднее. Жизнь идет вперед, с каждым годом дипломированные журналисты наполняют редакции газет, и не за горами тот день, когда его, не имеющего ни профильного, ни просто высшего образования, могут попросить освободить место дипломированному новичку. И тогда в 1970 году Юрий Яковлевич восстановился в Бийском государственном педагогическом институте, но окончить вуз не довелось. Сам он писал в биографии – «Не закончил, потому что был смущен предстоящими практиками в школе». Но причина, видимо, более бытовая – в 1971 году в семье Козловых родилась дочь Наташа и времени на учебу, пусть даже заочную, всего верней, не хватало. К тому же в этот период он плотно работал над повестью о событиях гражданской войны в Горном Алтае.

В декабре 1970 года вдохновленный публикациями в альманахе и наградой Верховного Совета Юрий Яковлевич осмелел и решил попытать счастья в издании своих трудов (очерки) отдельной книгой. Кое-что подправил, подчистил, дополнил и отнес в издательство: «... вот собрал в одну кучу и в декабре, в самом конце¹⁶, под Новый год, понёс в Алтайское книжное издательство. На предмет посмотреть, что тут у меня получилось. И после Нового года, примерно числа третьего-пятого, Гена Панов подходит, говорит:

---

¹⁶ Декабрь 1970 года.

– Слушай, был я в издательстве и видел рецензию на тебя, Квин написал на тебя рецензию. А Квин рекомендует к изданию, а если Квин рекомендует, значит, будет издано. Я помчался в издательство с видом, что я ничего не знаю. К Трескову пришел: – Как моя судьба? – Ну, вот, говорит, на, прочитай рецензию Квина. Он выбросил у меня только одно сочинение – о Шебалине, который сжигал труп Распутина в Петербурге. Ну, вот, это у меня выбросили, а остальное вошло в книгу, которая прошла на ура».

Вроде бы все прошло легко и просто. На самом же деле все обстояло несколько сложнее. Александр Тресков, как редактор, был требовательный и жесткий, к Слову относился бережно и чутко. И несмотря на то, что все очерки, предлагаемые журналистом к изданию, прошли обкатку в газетах, сделал автору множество замечаний и пожеланий – в газете, говорил он, одно, а в книге – другое. К книжному произведению требования выше, нежели к газетному. И не поспоришь.

Автором предисловия стал сам редактор. И, можно сказать, дал путевку в жизнь: «...История Чуйского тракта еще не написана. Кто они, мужественные строители и первопроходцы магистрали? Этим вопросом заинтересовался журналист Юрий Козлов. Он много раз ездил по тракту из конца в конец, встречался с местными жителями в притрактных селах, разыскивал в Бийске и других городах старых строителей и шоферов, сидел в архивах, вел большую переписку. Он не собирался писать историю поисков трассы и строительства дороги. Его прежде всего интересовали те смелые и упорные люди, которым покорились кручи, скалы, утесы, болота, расстояния... И вот получилась интересная книга – первая книга молодого автора».

В первых числах июня 1971 года Юрий Яковлевич под-

писывал книгу друзьям, товарищам и, конечно же, редактору. Первая книга как первый ребенок. Каждый начинающий писатель ждет и верит в признание своей книги. Не был исключением, думается, и Юрий Яковлевич. В первую очередь он ждал публичной реакции от писателей края и признания себя своим в писательском кругу. По складу характера Юрий Яковлевич был человеком ранимым и то, что писатели не признавали его собратом, несколько его, скажем так, печаливало. Сам он вспоминал это так: «...Никуда меня не брали с собой. Они, писатели, разъезжали регулярно. А я же работал в газете, и газетная командировка иногда совпадала с командировкой писателей, так я оказывался там, где они, и я бывал на их литературных вечерах. Потом давал в газете информацию, что литературная встреча состоялась там-то и там-то». После выхода первой книги и ряда опубликованных в альманахе «Алтай» очерков, он надеялся, что станет своим в писательской среде. Но, увы, ни один из писателей края не отреагировал на «Есть над Чуе́й-рекою дорога». Обратил внимание на книгу только начинающий литературовед Борис Маркович Юдалевич¹⁷. В статье «Чуйский тракт: документы и художественный вымысел»¹⁸ он подробно рассмотрел (лучше будет сказать – разобрал) текст журналиста Козлова, практически по строчкам. В целом автор статьи доволен произведениями журналиста Козлова: «...Да, есть у Юрия Козлова настоящая зоркость! Читатель наверняка потянется к этим волнующим историям, наверняка захочет узнать имена самых-самых первых, тех, кто прокладывал через горные хребты шестисоткилометровую трассу новой жизни, научил народ, не знавший слова «колесо», поверить в ре-

---

¹⁷ На тот период он жил в Новосибирске.

¹⁸ Альманах «Алтай» № 1, 1972 год.

альность будущих МАЗов и ЗИЛов...» От такой оценки у автора наверняка грудь колесом стала. Подметил литературовед и то, о чем автор и не мыслил писать в книге «...Так героем этих новелл закономерно становится эпоха, время. А вместе с ним кристаллизуется и характер, облик зачинателей большой стройки». Юрий Яковлевич вспоминал, что крайне удивился такому повороту в рецензии Бориса Юдалевича, которому на тот момент еще не исполнилось и тридцати лет. «Ничего себе, – говорил Юрий Яковлевич, – молодой парень, а какой смысл увидел в моих новеллах! Как глубоко нырнул! Я не понял, что накропал, а он разглядел».

Приятна для автора и такая оценка литературоведа: «Над интересной, большой темой работает Юрий Козлов. Понятно, что она требует, помимо всегдашней журналистской увлеченности, еще и немалых специальных знаний и в первую очередь – эрудиции краеведа, исследователя архивных документов. И это чувствуется в книге о Чуйском тракте». В конце статьи Б. Юдалевич указал и на промахи автора книги. В частности: «...иногда молодой прозаик идет по пути «компромисса», пытаясь беллетризировать очерк, превратить его в новеллу, рассказ. К чему это приводит, можно проследить на примере новеллы «Катунский вариант». В первой ее главе немало захватывающих моментов из жизни изыскательной партии. Изыскателями руководит техник путей сообщения В. Я. Шишков, впоследствии большой советский писатель. Они обследуют Чуйский путь, проектируют новую дорогу от Бийска до таможи Кош-Агач. Изыскатели подготовили проект, но их планам пока не суждено сбыться – слишком мало отпустило средств царское правительство...»

Дальнейшее показывается как бы глазами алтайца

Амырсана, в молодости знаменитого бродяги, разбойника, ставшего проводником экспедиции наших изыскателей, что спустя тринадцать лет шли дорогой техника Шишкова и его друзей.

Это интересно задумано: показать алтайца в общении с русскими людьми, перемены в его сознании. Но если первая часть повествования документальная, то вторую автор стремится беллетризировать. И новелла становится эклектичной, теряет силу, своеобразие документального проникновения, остроту познавательности. Меняется ритм, возникают длинноты.

В итоге – неудача. Весь строй произведения восстает против использования на одной «площадке» художественных принципов двух разных жанров.

А ведь порой документ, умело использованный, может отлично служить раскрытию художественного замысла автора...

Именно этого умения использовать до предела богатство документа и недостает пока автору книги о Чуйском тракте...»

Вот так была отмечена первая книга Юрия Яковлевича.

Самым главным событием 1971 года в жизни начинающего писателя, наверное, будет правильно считать не выход книги, а рождение дочери Наташи – 29 июля. Позже, после своего восьмидесятилетия, Юрий Яковлевич рассказывал, что парадоксально, но он рождению дочери радовался больше, нежели сына. Вроде, говорил он, мужики обычно радуются сыновьям как продолжателям рода и фамилии, а я вот, мол, черт-те знает почему, радовался дочери.

Вернемся к книге. К моменту выхода статьи-рецензии Б. М. Юдалевича Юрий Яковлевич получил еще одно поражение. Как мы говорили, сдав в печать первую книгу, он

тут же засел за работу над повестью о гражданской войне в Горном Алтае – запас материала имелся огромный, и его не терпелось использовать. Повесть имела рабочее название «Восемь девок». Впрочем, давайте дадим слово самому Юрию Яковлевичу: «...когда я писал «Восемь девок» – восемь милиционерш и один лейтенант, начальник отдела. И вот я писал, писал, половину написал, и что-то меня остановило, и остановило надолго – на месяц. Потом я снова начал писать и... о-па, не та тональность, не та динамика, все не то. Я прочел: сначала одно, а потом пошло другое. Словно писал другой автор. И я пошел к Кудинову, в Союз писателей.

Говорю, Иван Павлович, выручай. Понимаешь, говорю, написал половину, а половина осталась тут. Сейчас пытаюсь писать, а как будто другой кто-то пишет. Другой стиль, все другое.

– Оставь, – говорит он.

Я оставил рукопись. Недельки две проходит, меня приглашают Дворцов, Егоров, Кудинов... кто-то еще был, четвертый. Рассматривать рукопись мою. Да как дали мне по мозгам – Бог ты мой! И я тогда понял – зря полез с этим делом. Нельзя, раз прервался, то никогда уже не вернешься в тоже самое лоно, не влезешь. Надо начинать с первой строчки. И я засел писать «Восемь девок» с новой строчки, но уже как «Кайнок»...»

Что же не понравилось рецензентам в повести молодого автора? Приведем несколько выдержек из большой (6 машинописных страниц) рецензии Н. Дворцова¹⁹: «...художественная литература – это, прежде всего, образы. Удались автору герои, взволновали читателя, запомнились ему, вызвали на раздумье – произведение состоялось...»

---

¹⁹ КГКУ ГААК, ф. Р485, оп. 2, д. 51, рецензия датирована 30.01.1972.

Удались ли Юрию Козлову образы в его повести «Восемь девок»? Мне думается, что нет, не удались. Из восьми девушек лишь Оленька и Ванда чуть-чуть намечены. Оленьку читатель приметил в тот момент, когда она, следя за старухой Сахаровой, попала в руки бандитов и невероятным, прямо-таки фантастическим образом скрылась от них. Пожалуй, самый доверчивый читатель не поверит в такое...

Художественное произведение представляется мне в виде песни. Запеть ее нужно ладно, в тон, тогда, как говорят, каждое лыко будет в строку. А если сфальшивишь, возьмешь ниже или выше – пойдет все наперекос – песни не получится.

Мне думается, что Юрий Козлов с самого начала «запел» не в том тоне, фальшиво, в результате все пошло у него мимо главного, мимо героев...

Фальшь нашла себе место и в языке. Там, где можно сказать просто, емко, убедительно, автор, стремясь, похоже, к оригинальности, говорит вычурно, с умышленной усложненностью. Это неизбежно приводит к антихудожественности...

В таком виде рукопись публиковать, конечно, нельзя».

Юрия Яковлевич и сам понимал, что нельзя. Он-то обратился к профессионалам за помощью другого рода. Но...

И хотя Юрий Яковлевич в воспоминаниях говорит, что засел за переработку произведения, на самом же деле он убрал неудавшуюся повесть «Восемь девок» в стол на неопределенный срок, так как был занят, вернее – захвачен, другой работой – повестью «Белый Бом». Именно под таким названием опубликован отрывок данной повести во втором номере альманаха «Алтай» в 1972 году. Почему отрывок? Потому что повесть находилась в работе!

Глава V

В 1972 году в жизни Юрия Яковлевича началась новая эпоха. О некоторых событиях мы сказали в предыдущей главе, теперь об остальных. В конце 1971 или в начале 1972 года (не суть важно) Ю. Майорова назначают главным редактором газеты «Алтайская правда», и он приглашает Юрия Яковлевича на работу в главную газету края. Такие вопросы в те далекие теперь уже годы быстро не решались – анкеты, проверки, согласования, собеседования и т.д. и т.п. Так происходило и с Юрием Яковлевичем – в трудовой книжке указано, что он 10 марта 1972 года принят корреспондентом в газету «Алтайская правда», а 18 апреля того же года в газете «Молодёжь Алтая» освобожден от должности в связи с переводом в газету «Алтайская правда».

В октябре 1972 года Юрию Яковлевичу вручают очередную государственную награду – медаль «За освоение целинных земель». Подписал и вручил председатель крайисполкома Молчанинов. А полтора месяца спустя – 11 декабря, учитывая, что Юрий Яковлевич учится в Бийском государственном педагогическом институте²⁰, его повышают в должности – он становится заместителем ответственного секретаря. Должность хлопотная. Но энергии Юрия Яковлевича пока хватает и на газету, и на семью, и на создание художественных произведений.

Главный редактор Ю. Майоров, беря в газету Ю. Козлова, не просто собирал свою команду, как обычно это делают люди, получив назначение на должность первого руководителя. В действиях Майорова, думается, имелся и корыстный интерес – внести в газету что-то свежее, новое, чем-то ее сделать отличительной от формата до его прихода. Для

---

²⁰ На самом деле к тому времени Юрий Яковлевич учебу оставил.

этого нужны новые, не заскорузлые кадры, которые принесут свежие идеи, темы, стиль. В этом вопросе он надеялся и на Козлова. Думается, что Юрий Яковлевич оправдал надежды главного редактора. Только в течение 1973 года он написал серию очерков об интересных и уважаемых людях. Например, очерк «Пять страниц с продолжением» об экономисте совхоза «Линевский» Смоленского района²¹, очерк «Фамильная ценность» о братьях-механизаторах из колхоза «Заря» Баевского района²². Кроме того, Юрий Яковлевич продолжал разрабатывать и свою тему – Чуйский тракт. В октябре того же года в «Алтайской правде» публикуется очерк Юрия Яковлевича «Лично присутствует» об экспедиции В. Я. Шишкова на Алтай.

Еще 1973 год принес и несчастье – скончался отец. И хотя последние два десятка лет близких отношений между ними не было, все же так Юрий Яковлевич любил и его смерть стала большой утратой.

Первый полный год работы в «Алтайской правде» для Юрия Яковлевича не прошел бесследно. По итогам года крайком и крайсовпроф признали его победителем социалистического соревнования, и в конце января 1974 года Н. Аксёнов от имени Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ вручил ему медаль и удостоверения победителя социалистического соревнования 1973 года. Это третья по счету государственная награда.

Работая над очерками, Юрий Яковлевич помнил, что ему написал в рецензии на «Восемь девок» Н. Дворцов – «...Из восьми девушек лишь Оленька и Ванда чуть-чуть

---

²¹ Опубликовано в сборнике «Творцы научно-технического прогресса на селе», Барнаул, АКИ, 1973 г.

²² Опубликовано в сборнике «Хлебное золото Алтая», Барнаул, АКИ, 1973 г.

намечены...». Значит, нужно учиться делать характеры, портреты. И он усиленно занимался проработкой характеров. Герой должен запоминаться, быть индивидуальным, узнаваемым. И мастерство росло с каждым новым произведением. Как там у него это делалось за письменным столом, нам неведомо, но, читая новеллы из первой книги, очерки 1973 года и очерки, вошедшие в сборник «Ради жизни на земле», можно четко увидеть рост мастерства. Замечали это и коллеги. Например, вот как об этом пишет Юрий Яковлевич в своих воспоминаниях: «...Егоров первый сказал, когда ...собирал книгу о войне²³ и обратился ко мне, я ему написал пять сочиниловок... я не знаю, что это – рассказы или очерки, люди конкретные. Написал пять штук, я считаю пять листов моих в этом издании есть. И вот тогда Егоров сказал:

– Юра, ты хороший писатель!

– Да ну, какой я писатель, я журналист.

– Нет, – первый он сказал, – ты хороший писатель...»

В тот сборник действительно вошло пять произведений Юрия Яковлевича: рассказ «Полуденное солнце» и четыре очерка «В «тихий» час войны», «Пропавший без вести», «День – и вся жизнь», «Письма рассказывают о фронтовике». Кроме того, в том же 1975 году один очерк²⁴, «Загадка топонима» о шофере из Горного Алтая, опубликован в альманахе «Алтай» в № 1, второй, «Рожденный для неба», – в «Алтайской правде» за 29 марта²⁵, об участнике Великой Отечественной войне, планеристе, уроженце Алтайского

---

²³ Ради жизни на земле: повести, рассказы, очерки, статьи. Барнаул, Алт. кн. изд., 1975.

²⁴ Загадка топонима: очерк о шофере из Горного Алтая.

²⁵ Рожденный для неба: об участнике Великой Отечественной войны, бывшем планеристе.

края. Но только очерками Юрий Яковлевич в это время не довольствовался.

Во-первых, он доработал все новеллы, вошедшие в первую книгу «Есть над Чуей-рекою дорога». В ту же тему написал три новых новеллы – «Купель», «Тещин язык», «Орел или решка?», добавил к ним очерк «Загадка топонима». Все это собрал под одну обложку, придавил повестью «Белый Бом», заручился письменным ходатайством от писательской организации (Л. И. Квин подписал) и отнес в Алтайское книжное издательство.

Издательство выбрало рецензентом В. Попова, человека проверенного и принципиального. Не менее требовательным оказался и редактор – Каролина Ивановна Саранча. Юрий Яковлевич, когда узнал об этом, грешным делом подумал, что книгу «зарубят». Напрасно волновался. На удивление рукопись прошла, можно сказать, легко.

Чтобы читатель смог понять или, лучше сказать, почувствовать, процитируем несколько выдержек и рецензии В. Попова: «...Новые новеллы – их четыре – не равноценны как по написанию, так и по художественному звучанию. Лучшей, на мой взгляд, является «Тещин язык». Полная драматизма новелла держит читателя с начала до конца в напряжении. Единственный её недостаток – «словесные изыски», порой стоящие на грани неуважения к грамматике. Кстати, этот недостаток присущ и другим произведениям Ю. Козлова. Об этом автору говорили не раз...

При работе над рукописью редактор должен каленым железом выжигать словесную сорную траву. Это сделает книгу более читабельной.

Вместе с этим редактор должен быть беспощаден в сокращениях. Так, к примеру, «Купель» можно привести «в божеский вид», сократив минимум наполовину. Выбросив

все и вся байки, которые не только не нужны, но и раздражают, и оставить лишь суть. Причем углубив ее...

Несколько выпадает из общего ряда «Загадка топони́ма», хотя при небольших переделках она вполне в ряд встанет очень прочно.

Безусловную ценность представляет новелла «Дневник, которого не было». Но акценты там надо расставить иначе...

...непосредственно о «Белом Боме». Эту рукопись я уже читал прежде и все рекомендации и соображения по ней изложил издательству и автору. То, что мне пришлось читать сейчас, не является новым вариантом и посему все прежние замечания по поводу повести остаются в силе...

В общем же рукопись я оцениваю положительно, считаю, что при умелом направлении авторских сил редактором, вернее при совместных усилиях автора и редактора, книга выйдет интересной... История знаменитого Чуйского тракта воплощена Козловым в художественную форму и потому, уверен, книга будет хорошо встречена читателями».

Вот такое мнение рецензента. Тем не менее Юрий Яковлевич под руководством Каролины Ивановны с поставленной задачей справился, и в первых числах мая 1976 года рукопись была сдана в набор. И это с учетом того, что в этот период на работе (в газете) у Юрия Яковлевича состоялось несколько передвижек на должностях. С 10 апреля 1975 года его перевели первым заместителем ответственного секретаря, с 1 октября того же года назначили старшим корреспондентом, а с 9 января 1976 года – заведующим отделом культуры.

В четвертом номере журнала «Сибирские огни» за 1977 год была опубликована большая обзорная статья Валенти-

на Курбатова «Год и вся жизнь (взгляд на алтайскую литературу 1976 года)». Из 16 страниц «Белому Бому» посвящено почти 5. Курбатов с присущей ему въедливостью и скрупулезностью рассмотрел все полотно повести, отметил удачу автора и недоработки. Так, например, отметил авторское воображение: «Хорошо оснащенное воображение помогает ему сделать характеры полнокровными и ясными. Колористическая щедрость образов и народная афористичность мышления героев доказывают, что прозаик был искушен к писанию не одними документами, но уважением национальной традиции и пониманием ее внутренней структуры.

Чутье и мера изменяют прозаику только, когда он пишет бои. Недуг заимствованного экспрессионизма ломает изображение. Оглядка на Б. Пильняка и Вс. Иванова заметна в этих батальных страницах. Разница только в том, что они видели и слышали время и потому побеждали, а он реконструирует – и потому проигрывает. Для них это был ритм живой, сегодняшней уличной жизни, ритм напряженной души и летящего сознания... у Козлова стилизацией... хотелось втянуть читателя в этот бой, вызвать смятение и заставить уверовать в трагизм происходящего, но читатель только растерялся от синкопированного синтаксиса и перестал ориентироваться. Драматизм ситуации заслонился недоумением и неприязнью к автору, который позволил нам потерять из виду героев, ослабил хорошо накапливающийся интерес и сочувствие к судьбе Сопока...»

Также Курбатов отметил умение Козлова мастерски связывать времена: «Повесть Юрия Козлова сохранила в себе эти живые токи прошлого и будущего и, оборачиваясь назад, не упускала из виду настоящего. Наверное, именно поэтому она вошла в ряд живой, сегодняшней, подлинно

современной литературы. Это хороший результат, потому что со старым материалом это удастся не всегда».

О повести «Есть над Чуей-рекою дорога» Курбатов в целом высказался положительно: «Козлов еще раз подтвердил, что романтика по природе диалектична. Она получает это наименование потом, когда сознание профильтрует давние переживания, когда тело позабудет усталость и боль, когда страшные частности и будничная непосильность труда – в прошлом, и сознание хранит только память о высокой концентрации чувств. Эту книгу о дороге трудно сразу назвать повестью, у нее сложная конструкция: она предлагает факты, скупое известие документа или пышную декоративность песни, вроде той, классической, об «отчаянном шофере Кольке Снегиреве», которую в недавнюю еще пору знали стар и мал; и автору предстоит «материализовать» документ, вернуть ему жизнь, одушевить прошедшее. Прозаик делает это радостно, словно заряженный той давней страстностью. Повесть строится от рассказа к рассказу челноком или спиралью, когда один факт или герой вдруг освещаются в новом месте новым светом, и для объемного осознания материала не грех вернуться к уже читанному и перепроверить ощущения... Это трудный принцип построения, и Козлов не совсем с ним совладал. Композиция еще отдает произвольностью, еще слишком неуклюжа и громоздка, чтобы читатель мог по прочтении увидеть здание целиком и сохранить ощущение единства, но принцип найден хороший.

Традиция сибирского очерка очень основательна. Тут у истоков стоят великолепные имена Короленко, Гарина-Михайловского, Чехова, и продолжать ее – занятие столь благородное, сколь и ответственное. Козлов сохраняет чувство пути и здесь и глядит на предшественников ува-

жительно, но без робости...» Такая рецензия равносильна путевке в жизнь.

Вернемся к Юрию Яковлевичу. Сдав в издательство «Белый Бом», он возобновил работу над повестью «Восемь девок», переименовав ее в «Кайнок». Из записей Юрия Яковлевича: «Причем я еще не знал, что это будет «Кайнок». Сначала это было «Восемь девок», потом что-то ещё всплывало... и вот попадаю я на Белый Бом уже... мне сказали, что там пещеры наверху, и мы с Гавричкиным... с Мишкой Воротниковым... нам давали машину, съездить на эти пещеры. Шли, шли мы по Белому Бому, пока, значит, ложбина, по этой ложбине шли, шли, и вот уже темнеть стало, мы поднялись наверх и пещера такая вот горизонтальная – перед ней куча костей животных – баранины, конины и еще кого-то и все закопченное, верх закопченный. Видимо, в ней бандиты жрали сидели, жарили мясо и жрали, а кости бросали под откос. И вот мы посмотрели... а я глянул, а под слоем пыли как бы ребра просматриваются. Пыль стряхнули – патроны. В обоймах. Гильзы. Не патроны, а гильзы. Я один вытащил, они тогда в Горном Алтае сами заряжали патроны – порох засыпали, капсуль ставили. Я почистил гильзу и читаю: «Кайнок»... А почему? Оказывается, по американскому пороху «койнок», а какой-то русский патриот назвал «Кайнок-17». И я пошел выяснять в милицию, они показали мне огромный альбом, в котором все марки патронов и гильз, по-моему, еще с 19-го века. Но «Кайнока» в нем не оказалось. А гильз у меня было несколько штук, и одну я им оставил на память о нашей встрече и попросил узнать: что это за «Кайнок», какая фирма выпускала?»

Повесть Юрий Яковлевич завершил сравнительно быстро – почти за полгода. И закончил, надо сказать, весь-

ма вовремя – писатель-фронтовик Георгий Егоров в это время работал над составлением сборника произведений о милиции «Параллели пересекаются» и повесть Козлова оказалась, как говорится, к столу. Кроме повести в сборник вошел и очерк Юрия Яковлевича «А горы молчат». Об очерке. История его создания интересна. Вот как сам автор об этом рассказывает: «...Примерно вначале семидесятых редактор Майоров вызывает меня и говорит: слушай-ка, тут такая кака у нас получилась – три литовских туриста потерялись в горах. Их туристические организации обратились к нам, а наш турист ответил, что мы их не регистрировали, они сами не регистрировались и что мы их искать-то будем? Те возмутились и в ЦК Литвы. Не куда-нибудь, а в ЦК Литвы, а то, в свою очередь, в ЦК центральное – в чем дело? ЦК СССР в крайком партии – что это у вас там такое за безобразие? Люди потерялись, а у вас формализм разводят! Майоров говорит – поезжай, разберись, что там за непонятки. И я нарвался на чудесного полковника Вавилова в Горном Алтае. Он был заместителем начальника управления, а начальник управления в это время на курорте где-то отдыхал. Вавилов мне выдал: сколько тут у нас беды всякой – теряются люди каждый год. И ведь многие из них прямо с асфальта – московского, ленинградского, забираются в горы, рубят из трех бревен плотик и помчались по Башкаусу. А Башкаус несется с бешеной скоростью. Больше того, там же бесконечные пороги и камни торчат повсюду. И все, и мы бегаем потом, ищем. И вот этот случай – такая же беда. Правда, мы двух нашли уже. А одного не можем найти. Те двое (парень и девушка), когда поняли, что заблудились, легли и никуда с места не уходили. Так в палатке и лежали. Вавилов у девушки спросил: как вам Горно-Алтайск, приглянулся? Она ответила: нет, плохая

деревня. И вот тогда я почувствовал, боже мой, мы-то тут в Сибири, в глубокой деревне, в паршивой деревне живем, потому что их Паневежис, а их Паневежис освобождал Вавилон. Там, говорит, не было ни одного целого камня. Там было все снесено, горы битого кирпича лежали. А мне сегодня говорят, что у нас плохая деревня. Смотреть не на что, все гадко. А мы не получали после войны десять лет ни одного гвоздя, ни одного кирпичика! Все шло на восстановление той части СССР. Даже наши кирпичные заводы и те все продукцию отправляли туда.

Эти двое рассказали, как они задумали покорить Горный Алтай, как сделали плотик, и как их понесло. Потом их выбросило на какую-то отмель, они зацепились за берег. Все трое. А среди них был один, третий парнишечка – сын заместителя министра обороны. Он ушел искать дорогу. Через год от него нашли останки головы. Остальное зверье растащило.

Вечером я попьянствовал с горно-алтайскими писателями, вернулся в Барнаул и сел писать. Сутки не вылезал из-за столика... И вот написал я... а заголовок... ну, какой заголовок придумаешь? Понес, отпечатали машинистки без заголовка. Вот я, значит, ответсекретарю – почитай. Ответсекретарь прочитал – а заголовок-то какой?

– Да я не знаю.

А Толя Телицын пробежал по диагонали, а там страниц пятнадцать было, посмотрел, говорит, а что, нормальный заголовок – «А горы молчат». И так она и вышла в «Алтайской правде» – «А горы молчат». Телицын предложил.

Потом меня вызвали в университет «Марксизма-Ленинизма» читать лекцию, там был факультет журналистики. И вот я читал об очерке. И вдруг из заднего ряда женский голос – скажите, «А горы молчат» – это очерк

или... Я сказал – нет, это статья. Но не знаю, так это или не так...

Ну, а сюжет-то мне приглянулся: дуrolом-то сидит над нами вверх ногами! Замминистра, он предлагает бомбить Башкауc, он предлагает построить несколько плотин, перекрыть Башкауc, пройти по дну его, там такие ужасы...» Вот так был написан очерк, который сам автор считал статьёй. В дальнейшем очерк ляжет в основу новой повести, но об этом ниже.

После публикации повести в сборнике Юрий Яковлевич решает развить сюжет и принимается за переработку повести. Давно известно, что стихи – случаются, а проза требует усидчивости, вдумчивости и не терпит, когда автор отдается ей не полностью. Если рассказы, новеллы и небольшие повести еще можно писать, служа нескольким богам, то крупное произведение, стоящее, в суете между разными делами не создать. Юрий Яковлевич это знает, а потому, имея некую финансовую подушку безопасности, 27 января 1977 года увольняется из газеты. А тут еще подфартило – товарища, можно сказать друга по журналистской работе, Ивана Ивановича Березюка, назначили директором Алтайского книжного издательства. Юрий Яковлевич не растерялся и отнес в издательство для переиздания повесть «Белый Бом». Издали отдельной книгой. Правда, в обложке, но стотысячным тиражом!

В советский период в писательской организации была хорошая традиция – писатели по «совету» крайкома КПСС принимали активное участие в уборочной кампании. Как тогда говорили – за один заход закрывали несколько вопросов. Первое – поднимали сельским труженикам трудовой дух – выступали на станах, фермах, просто в полях. Попутно собирали материал, а после делали отчеты о проведен-

ной работе в форме очерков, рассказов или просто статей. Второе – отработывали трудовой стаж. Писатель творил дома, за письменным столом, а стаж-то трудовой шел, пенсия копилась. Третье – популяризировали свое творчество. Кстати, за участие в уборочной кампании им еще и командировочные выплачивали. Вот такая политика существовала. Можно сказать, в коммунизме жили писатели.

Принимал в этом участие и Юрий Яковлевич, в качестве литактивиста. Так, например, приказом № 25 от 10 августа 1977 года (ответственный секретарь Л. Квин) Козлов совместно с Л. Квином, Г. Пановым, В. Казаковым и М. Прокочуком командировался на период уборочной страды в Бийский район²⁶. Проходило это так: они приезжали в район, за каждым из них назначался куратор с автомобилем, на каждого составлялась персональная программа с указанием дат и сел-поселков, где им предстояло выступить. Таким образом, писатель охватывал практически весь район. Проживание и питание, разумеется, за счет встречающей стороны.

В середине 1978 года Юрий Яковлевич заканчивает переработку «Кайнока» и относит рукопись в издательство. Видимо, надеялся, что Березюк поможет издать без проволочек. Но, как говорится, дружба дружбой, а служба службой. Рукопись пошла к рецензентам. Да и редактор оказался не только требовательным, но и профессионалом своего дела – Валерий Максимович Извеков. Иван Иванович высоко ценил редакторский талант Извекова, а потому прислушивался к его мнению. Рукопись зависла. Все рецензенты высказали замечания, над которым автору совместно с редактором предстояло поработать.

В частности, вот как высказался о новом варианте по-

---

²⁶ КГКУ ГААК, ф. Р485, оп. 2, д. 65.

вести Георгий Егоров: «С первым, журнальным вариантом повести я знаком... Он мне очень понравился. Поэтому новый, расширенный вариант я взял в руки с волнением – хотелось узнать новые, дальнейшие подробности этой удивительной истории, случившейся в военные годы в алтайских горах. Но расширенный вариант меня разочаровал.

Первый вариант – это динамичный сюжет... События... разворачивались стремительно, читать повесть было интересно. В том, первом варианте, были свои недостатки, о которых я говорил автору... И мне казалось, что автор обратит на это особое внимание при доработке. Но, к сожалению, этого не произошло...»

Далее рецензент перечисляет множественные авторские недоработки, в том числе и то, что зря изменена фамилия главного героя – Пирогов на Пирохов. При чтении рецензии возникает чувство, что рецензент несколько раздосадован на автора и это подтверждается в конце: «...Ну, и наконец, мне совсем непонятна причина, по которой автор не принял из первого варианта выправленную мною главу захвата бандитов. В книге «Параллели пересекаются» эта сцена подана динамично и стремительно, как и происходили сами события. Автор же, вдаваясь в описание мелочей, потерял темп событий, растянул всё, и получилась не стремительная атака и бросок на землянку, а созерцание стороннего и равнодушного зрителя.

Таким образом, мне кажется, работа, которую проделал автор по расширению повести, напрасна. Она не дала желаемых автором результатов. Она разжижила повесть, лишила её динамичности – лишила того, чем она выигрывала.

Убеждение моё в этом твердое.

При всём уважении моём к таланту Юрия Козлова ре-

комендовать повесть в таком виде для издания не могу»²⁷. Рукопись, соответственно, возвратили автору на доработку. Как дальше шло дело, о том история умалчивает, но в конце февраля 1979 года Юрий Яковлевич приносит в издательство доработанную повесть. В этот раз в качестве рецензента выступил Марк Иосифович Юдалевич. Приводить здесь всю рецензию мы не будем, процитируем лишь те моменты, которые относятся к литературному мастерству автора. В частности, Марк Иосифович написал: «... Юрий Козлов стремится создать правдивую психологическую картину происходящего, стремится проникнуть во внутренний мир своих героев. Кроме того, он ставит целью воссоздать и приметы времени, групповой портрет эпохи.

На мой взгляд, «Кайнок» в определенной степени примыкает к произведениям В. Богомолова, учеба у которого в повести Козлова довольно ощутима.

Главной удачей автора на этом пути мне кажется образ центрального героя...

Несколько слов о языке произведения. В целом язык повести чистый, вполне грамотный, часто довольно выразительный. В произведении много диалога, и автор умеет его писать...

Тем не менее если при подготовке повести к печати удастся хотя бы в отдельных местах усилить образность и изобразительность языка, сделать его более емким – это пойдет на пользу повести.

И совершенно необходимо избавиться от словесных «огрехов», от редкого, но встречающегося неправильного словоупотребления, от неудачных выражений...

Еще одно замечание. Финал повести написан хорошо.

---

²⁷ КГКУ ГААК, ф. Р485, оп. 2, д. 93. Орфография и пунктуация сохранены.

Особенно удачно то, что он не стал полностью благополучным; автор в самом конце преследования осложнил его ещё одним драматическим событием. Это усиливает драматический накал произведения...

Однако в финале бросается в глаза неудачная речевая характеристика Васьки Князя...

Суммируя сказанное, хочу ещё раз подчеркнуть, что автор создал интересное, нужное произведение. Повесть «Кайнок», можно сказать с уверенностью, сразу найдет своего читателя.

Более того, предъявляя самые высокие требования, мы не должны, на мой взгляд, забывать и сравнительный анализ произведений, выходящих на Алтае. Думается, что повесть молодого писателя Юрия Козлова выдержит творческий конкурс среди рукописей, находящихся в портфеле издательства.

И, тем не менее, автор и редактор должны сделать все возможное для её улучшения»²⁸. Рецензия была выдана в начале марта 1979 года, а в набор повесть подписали только в конце ноября. Извеков, вспоминал Юрий Яковлевич, работал не только над замечаниями рецензента, у него своих замечаний по рукописи имелось намного больше.

Сам автор, позднее, вспоминал: «...«Кайнок» дался мне труднее всего. То ли опыт сковывал, то ли ответственность: нельзя написать хуже, чем раньше. Переделывал «Кайнок» пять раз. Затянул сроки сдачи рукописи и вынужден был спешить. Есть в «Кайноке» огрехи. К тому же, вышел он с сокращениями. Виноват в них я сам – превысил заявленный объем, а времени на переделку не оставалось...»²⁹

Путь от писательского стола до читателя у «Кайнока»

---

²⁸ КГКУ ГААК, ф. Р485, оп. 2, д. 102.

²⁹ Орфография и пунктуация сохранены авторские.

сложился трудный. Довелось автору и попотеть, и напереживаться вдоволь. Не одну пачку сигарет выкурил за письменным столом. Но у повести сложилась счастливая жизнь. Смотрите: книга вышла в первом квартале 1980 года, и автор сразу же отправил ее на Всесоюзный литературный конкурс на создание произведений о милиции. Организаторы конкурса – МВД СССР и Союз писателей СССР. И «Кайнок» получил признание, а автор стал дипломантом конкурса. Диплом подписал председатель жюри конкурса – первый заместитель министра внутренних дел СССР Ю. М. Чурбанов. Вряд ли автор ожидал подобного исхода дела, отправляя повесть на конкурс. Интересно, что жюри почему-то повесть назвали романом – «Козлов Юрий Яковлевич награждается Дипломом Всесоюзного литературного конкурса за создание романа «Кайнок».

Это было только начало счастливого пути повести. Далее «Кайнок» печатают в библиотечке журнала «Советская милиция» в 1982 году, правда в изрядно сокращенном варианте, но тем не менее. Библиотечка пользовалась спросом на всей территории великой империи СССР, а потому тираж выходил солидный – 150 тысяч экземпляров.

Следующее издание «Кайнока» состоялось в 1984 году, к 50-летию со дня рождения автора. Четвертое издание вышло в 1993 году³⁰, к 60-летию автора, 10-тысячным тиражом, в то время, когда вся страна переживала непростые времена, когда рабочие не получали заработную плату по три-четыре месяца, когда многие продукты продавались по талонам. Вот такая счастливая судьба повести.

Кроме того, еще один штрих. В седьмом номере журнала «Сибирские огни» за 1985 год была опубликована рецензия начинающего литературного критика и историка

---

³⁰ «Анна ПООМ и К°».

литературы Олега Анатольевича Коростелёва³¹ на повесть «Кайнок». Основное, на наш взгляд, что отметил автор рецензии: «...Книга читается с интересом, на одном дыхании. В торопящийся, отрывистый стиль детектива удачно вписываются сухие строки газет военного времени, они раздвигают границы повести, позволяют ярче почувствовать атмосферу тех лет.

Лаконичные, емкие историко-социологические экскурсы свидетельствуют о том, что автор не только пристально вглядывался в «свое» время, не просто бытописал его, но и смотрел глубже в прошлое, отыскивая истоки конфликта, заново осмысливая закономерность хода истории.

Что касается основного сюжетного хода повести, то новаторским его вряд ли назовешь. Тут важен сам подход к выбору сюжета, отношение к нему. Ведь даже самая избитая сюжетная комбинация будет оправдана, если она характерна для данного времени и написана убедительно. И дело тут не столько в тщательном выписывании деталей – одно это само по себе еще не дает ощущения полной достоверности, сколько в необходимости ухватить что-то более важное, чем детали быта, – дух времени, психологию людей, изменяющиеся их взаимоотношения. А это автору как раз удалось.

Ю. Козлов верно почувствовал и довольно точно сумел передать мироощущение людей тех лет.

Герои повести получились у него живыми, запоминающимися. Автор не стал приукрашивать их, приписывать

---

³¹ Коростелёв О. А., 11.01.1959, Прокопьевск, Кемеровская область – 20.03.2020, Москва. Окончил Новосибирский государственный педагогический университет, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького, аспирантуру института им. А. М. Горького, кандидат филологических наук.

несвойственные качества, не побоялся показать их слабости...

Не все главы повести получились одинаково ровными. Слишком много совпадений в сценах поимки бандитов, не везде сумел тут автор логично свести концы с концами. Но главное, к чему он стремился, ему удалось. Интересный, необычный эпизод великой войны, трудности борьбы на «внутреннем фронте» раскрыты Ю. Козловым убедительно и достоверно». Удивительное в данной рецензии не то, что верно понят автор и помечены тонкости авторских недоработок и удач, а то, что критику на тот период было всего 26 лет.

Вернемся в 1979 год. В конце мая Юрий Яковлевич для выравнивания финансового положения семьи устраивается на Алтайское моторостроительное производственное объединение грузчиком. Его табелируют, он ходит получать в кассу аванс, зарплату, изредка дает материал в многотиражку, но грузчиком не работает. Читатель, наверное, удивится – как же, мол, так?! Это новшество, с целью обеспечить финансово писателей и при этом не отвлекать их от творческого процесса, ввел Лев Израилевич Квин в бытность свою ответственным секретарем Алтайского отделения Союза писателей РСФСР. Он договаривался с директором какого-нибудь крупного завода или комбината об устройстве определенного писателя на рабочую должность, а взамен тот, кого устраивали, вел при многотиражке литературный кружок или студию, подкидывал материал о заводчанах. Это было нормально, не каралось законом. И предприятие не обременяло: на 15–20 тысяч работающих – один «подснежник». Капля в море. А для общества большая польза. Как-никак, а писатель не только инженер человеческих душ, но и первый помощник (в советскую

эпоху) идеологам КПСС. Правящая партия очень благоволила к писателям, понимающим идеологию, умеющим думать правильно и понимать с полуслова, с полнамека. Для них, таких писателей, делалось все и разрешалось все, что не выходило за рамки законности. Например, в 1979 году на общем собрании писательской организации приняли решение направить на Всесоюзный семинар молодых очеркистов В. Т. Слипенчука и Ю. Я. Козлова. Оба, конечно, официально трудоустроены. А семинар не однодневный, с дорогой практически две недели выпадает. С работы могут отпустить только без сохранения заработной платы. Тогда семейный бюджет пострадает, а у обоих – семьи, дети. Как быть? Все решил секретарь по идеологии крайкома КПСС А. Н. Невский – Слипенчук с Козловым поехали на семинар с сохранением заработной платы по месту работы³². Небольшое пояснение – Всесоюзные семинары имели большое значение при вступлении в Союз писателей. Они приравнивались к рекомендациям.

В должности грузчика Юрий Яковлевич числился до конца апреля 1982 года, когда к нему обратилось руководство Славгородского ордена Трудового Красного Знамени химического завода им. Г. С. Верещагина с просьбой написать о заводе книгу. Обсудили условия, оплату, скрепили договором, и Юрий Яковлевич, покинув моторное объединение, занялся Славгородским заводом. Отметим, что взялся он за это дело не только ради денег, но и желая познать новое, познакомиться с новыми людьми, найти интересные характеры, сюжеты, мысли, идеи. С мая 1982 и по июнь 1983 года Юрий Яковлевич большей частью живет в Славгороде, изучает документы, людей, производственные процессы. Много встречается с ветеранами про-

---

³² КГКУ ГААК, ф. Р485, оп. 2, д. 99.

изводства, беседует, выискивая то, что можно положить в основу будущей книги. Ведь простым рассказом о людях, их делах, заботах читателя не заинтересуешь. Нужно найти для очерка что-то такое, что притянет читателя и вынудит пройти до последней страницы. Кто-кто, а журналист Козлов знал это очень хорошо и искал. Недели, месяцы. Варианты отменялись один за другим, пока не нашелся тот, который понравился самому автору и членам редколлегии.

В ноябре 1983 года рукопись о Славгородском заводе сдается в набор, а в декабре Юрий Яковлевич вновь устраивается на Алтайское моторостроительное производственное объединение грузчиком транспортного цеха. Мы несколько зашли вперед, вернемся в октябрь 1981 года. В тот раз Юрий Яковлевич сделал первую попытку вступить в Союз писателей СССР. Вот как он об этом вспоминает по прошествии 35 лет: «Писатели ко мне всегда относились очень доброжелательно. Егоров первый сказал... – Юра, ты хороший писатель!

– Да ну, какой я писатель, я журналист.

– Нет, – первый он сказал, – ты хороший писатель.

А потом начались какие-то странные вещи со мной... Мне Квин звонит, он был ответственным секретарем, говорит:

– Юра, а почему ты никакие документы не собираешь в Союз писателей?

Я говорю, так не знаю, готов ли я? А у меня уже «Кайнок» вышел, «Белый Бом», «Есть над Чуе́й-рекою доро́га».

– Тебе уже по всем данным надо быть там!

Ну хорошо, я написал заявление, рекомендации требуются. Я Яновскому позвонил в Новосибирск. Яновский очень хвалил «Кайнок» и мой «Белый Бом». И он мне тут же отозвался. И вот он мне прислал рекомендацию. Вторую

рекомендацию дал Георгий Егоров. Кто дал третью рекомендацию... не помню. И вот Квин собирает Совет, тогда, прежде чем выдвинуться на собрании, нужно было утверждаться на Совете. И вот вечером сижу дома – звонок. Квин звонит: – Юра, что происходит? Я не знаю! Совет тебя зарубил. Ну, я отвечаю: зарубил – значит, я достоин того. А в Совет входили: Кудинов, Гуцин, Квин, естественно, и ещё пара человек. Этих-то я запомнил, потому что я после этого Совета к Гуцину подошел, говорю: – Женя, а что там такое-то со мной получилось? Он глаза прячет: – Да я не знаю, что-то там Кудинов... Вот... Я к Кудинову: – Иван Павлович, какие ко мне претензии-то были? Он тоже: – Какие претензии? – Да Гуцин выступил, сказал, что тебе ещё рано в этот Союз и убедил всех... Гуцин... вон он меня и подловил... Он и Ольге (Гришко-Юровской. – В.Ш.) переломал ребер, будь здоров. Он такой, он двурушный был.

Думаю, не буду я больше ломиться...»

Вот такой вот интересно-печальный случай произошел в жизни Юрия Яковлевича. Будучи сам человеком простым и открытым, он и людей, окружающих себя, считал такими и благодаря своей доверчивости и открытости получал крепкие удары под сердце. Но, что характерно, он не огрубел, не разучился доверять людям и никогда не держал обиду на поступившего непорядочно. Да, первое время, конечно, он переживал, в душе саднила боль, но в скором времени все проходило, и вновь при встрече первым протягивал обидчику руку, разговаривал и даже мог сесть за один стол.

Тоже самое произошло и со вступлением в Союз. Как помнит читатель, после неудачной попытки Юрий Яковлевич зарекся вступать, но по прошествии некоторого времени он сделал еще одну попытку: «...прихожу в Союз, он

тогда был на проспекте Строителей, а там Сапов Витя сидит. Он, оказывается, претендует тоже на Союз – несколько книжек имел. Вот, говорит, будут рассматривать меня. И тут выходит Квин. Я говорю: – Лев Израилевич, его будут рассматривать, а меня не будут рассматривать? Отвечает: – Будем, и тебя будем рассматривать. Совет собрался и проголосовал за нас двоих. Потом собрание. На собрании, я помню, присутствовало 22 человека. А тогда было строго, очень. Отсутствующий на собрании, если живой, то голос его считался против. Это было где-то в октябре 1983 года³³. Голосование было тайным. И вот объявляются итоги голосования: Козлов – 22 голоса, Сапов – 20. Витька так занервничал – ну, гадость, кто же эти-то два? Однако, говорит, я узнаю, кто эти два. Ну, по-моему, не узнал. И вот так я прошел здесь, отправили документы в Москву. Долго там кувыркали документы³⁴. А потом открываю «Алтайскую правду», а там написано, что Правление Союза писателей СССР³⁵ приняло в Союз писателей Козлова Юрия Яковлевича. Сапова не приняли из-за двух голосов против. Было жутко строго. Мне потом попала книга, которую они высылали в Москву, а они потом вернули её. И я листал «Кайнок» – никаких пометок нет, обычно члены комиссии чиркают. А тут нет, но в одном месте, хоп, тоненько, карандашом, строк пять отчерчено. Я прочитал – нормальные строки, глупости никакой нету. Думаю, ай, ну вас, прошел, значит прошел.

А я в это время подрабатывал на моторном заводе. Ездил в зону, в лагерь, к зекам. И вот прихожу на завод утром на

---

³³ Юрий Яковлевич запомнил: заявление он написал 21 ноября 1983 года, в день заседания Совета, а собрание состоялось 17 декабря.

³⁴ Правление СП РСФСР утвердило Ю. Я. Козлова 16.10.1984.

³⁵ Ошибка, т. к. в Союз писателей принимали не СССР, а РСФСР.

работу, меня встречает целая команда женщин – поздравляем Вас, поздравляем. И суют мне «Алтайскую правду». Я говорю – ну, слава Богу...»

Глава VI

О том, что давало членство в Союзе писателей (имеется в виду, какие материальные блага и моральные), мы подробно рассказали в очерке «Алтайское краевое отделение Союза писателей СССР (история создания и развития, 1946–1991 гг.)», потому повторяться не будем. Заполучить эти блага, то есть иметь право пользоваться ими, чего кривить душой, стремились практически все писатели. Но пользовались ими по-разному. Кто-то, едва успев вступить в Союз, начинал выбирать все, что было возможно, – требовать издания очередной книги, путевку в дом отдыха, выколачивал творческую поездку куда-нибудь, материальную (финансовую) помощь для завершения произведения и т.д. и т.п. Люди разные, рамки совести тоже у каждого свои. Да и понятия о совести, к сожалению, тоже различные.

Юрий Яковлевич никогда не стремился пользоваться всем тем, на что имел право как член Союза писателей. Квартиру с отдельным кабинетом его семья получила от газеты задолго до вступления в Союз, ни в санатории, ни в профилактории, ни в дома отдыха путевок никогда не брал. Единственное право, которое он использовал полностью и с большой радостью, это подписка на книжные издания – в те годы был жуткий дефицит на собрания сочинений русской и зарубежной классики, словари, энциклопедии и т.д. Вот в этом вопросе он не позволял себя оттереть локтями. Еще использовал командировки, так как это позволяло расширить кругозор, давало возможность завести новые

знакомства с интересными людьми. Но, к сожалению, это иногда нравилось не всем. Например, на собрании, которое состоялось 11 июля 1989 года, решался вопрос, кому поехать в служебную командировку. И вот как это записал Юрий Яковлевич: «В день рождения на собрании писательской организации решено командировать меня в Семипалатинск на атомный полигон³⁶. Это – дань веяньям перестройки. Против меня выступил В. Озолин. Он сказал: не надо Козлова посылать, лучше меня... Говорил серьезно и смешно. Собрание все-таки постановило: поедет Козлов...

16 июля – отъезд.

На этом собрании мне подарили букет роз. Запах удивительный. Знаю розы давно, но такой запах впервые встречаю.

Алтай – загадка.

Не вычерпать его тайны, прелести, полезность»³⁷.

Почему хотелось на данном мероприятии (конференции в Семипалатинске) побывать не одному Юрию Яковлевичу? Потому что на конференции впервые в истории СССР собрался, так сказать, цвет общественности – политики, ученые, военные, представители СМИ, писатели и обсуждали (осуждали) вред от испытаний на полигоне. Кроме того, конференция проходила под пристальным наблюдением Америки и других капиталистических стран, заинтересованных не только в закрытии полигона, но и в выведении СССР из статуса ядерной сверхдержавы. Поэтому и Америка, и другие капстраны поддерживали нашу общественность всеми силами и способами. Побывать на конференции было и почетно, и выгодно – масса новых ин-

---

³⁶ 17–19 июля 1989 года в Семипалатинске проходила научно-практическая конференция.

³⁷ Орфография и пунктуация сохранены авторские.

тересных и полезных знакомств. Об участии в конференции Юрий Яковлевич отчитался в организации и написал большую статью «Час говорить правду», которую опубликовали в четвертом номере альманаха «Алтай». В те годы статья считалась остропроблемной, смелой. Вдобавок в ней выражалось личное мнение автора.

После этого были две командировки в КНР – сентябрь 1990 и ноябрь 1991 года – по обмену писательскими делегациями. И одна из них – совместно с Е. Гуциным, и жили они всю командировку в одном номере. Но это уже в бытность Юрия Яковлевича в должности ответственного секретаря писательской организации.

Вернемся в 1984 год. После принятия в Союз писателей Юрий Яковлевич плотно засел за переработку материала, собранного в период поездки в Монголию в 1969 году. Параллельно вел работу над повестью «Обыденка», создаваемой на базе очерка «А горы молчат». Кроме того, Алтайское книжное издательство, благодаря директору И. Березюку и старшему редактору В. Извекову, стало привлекать его к рецензентской работе. Так, например, только в 1986 году Козлов проработал около дюжины рукописей, среди которых рукописи И. Шумилова – «За длинным рублём» и «Под школьный звонок», В. Свинцова – «Лопухий бес», «Натюрморт с яблоками» и «Деревня Крестьянка». Кстати, по последним двум рукописям мнение Козлова совпало с мнением других рецензентов – Виктора Попова и Владимира Башунова, и обе рукописи были отклонены издательством. Приведем несколько выдержек из рецензии на повесть «Деревня Крестьянка»: «В колхоз приезжает на работу агроном Цапов. Молодой, самолюбивый, «среднего роста, тщедушный, нос картошкой», но трудолюбивый, подвижный и проч. За год совместной работы не раз

сталкивается с председателем из-за денег, а значит, и по вопросам хозяйственным. Все же к весне Цапову удастся выявить все нужды земли, хозяйства. И вот тут увиделась мне поспешность автора. В запущенном колхозе едва ли найдешь все исходные данные для составления и решения задачи. Начнем с того, что в колхозе должна быть карта земель с точным указанием плодородия почв. Но такая карта (она составляется специальными агрохимлабораториями) стоит многие тысячи рублей. Ведь лаборатория в течение длительного времени проводит исследования почв, беря пробы в ста точках на одном гектаре. Скажу, ссылаясь на разговор со специалистами, в стране это дело неважно поставлено. Мы плохо знаем землю, с которой хотим получить высокий урожай. Не хватает лабораторий. Очереди в них... Как же мог Цапов составить, обосновать свои планы? И лезть в райком. Он-то в первую очередь должен знать о необходимости агроисследований.

В этой части (она сделана будто походя) упущены интересные подробности.

Заболевает председатель, Цапов становится врио и потом председателем... (далее рецензент перечисляет все, что новому председателю удалось сделать за год, – огромное количество дел).

Возможно это за год? Опыт показывает, что в жизни это куда сложнее. Надо ли литературе поправлять жизнь? И с какой целью?..

Кто ж такой Цапов? Личность?.. Но разве личность пойдет кружными путями? А Цапов идет!.. Тема нарушений финансовой, хозяйственной деятельности звучит в каждом начинании Цапова. Она не просто звучит, она в морду лезет, и создается впечатление, что автор хочет убедить нас в путанице, слабости законодательств, да и всей Советской

власти... чтобы говорить о том, надо лучше знать, аргументировать факты... И решать это через художественные средства, а не колоть глаза декларациями... Цапов – это прежде всего автор, который говорит устами Цапова и утверждает Цапова с его сомнительными методами. (Ты – мне, я – тебе.) Да и по натуре Цапов, честно говоря, мелковат. Суетлив, запсихован, драчлив (в райкоме!), тут же отходит, занимается самокопанием и снова взрывается. Нет стержня в его душе, той косточки, на которой сильная личность строится. Не удивился я, когда он и на Галинку полез, не дрогнув, не усомнившись ни на миг, хотя дома (рядом) любимая жена и любимый сын.

Нет, не личность Цапов...

Главное богатство колхоза – земля. О ней должна болеть голова у председателя-новатора. Можно в один месяц профукать колхозный миллион. На фермы, детские сады, дороги. А чем его восполнять? Земля должна дать. Председателя Цапова эти вопросы не занимают. И получается, что не агроном он и не председатель. Мышление его поверхностно...

Напрашивается вывод: первое – автор плохо изучил материал; второе – чтобы описать образ мышления председателя, секретаря райкома, надо подняться до их уровня в знании предмета, мышлении, образа жизни и действий. К сожалению, этого пока нет. Я понимаю, рукопись черновая, еще море работы, потому и упираю на недостатки, чтоб было легче автору в последующей работе...

Кстати, почему «Деревня Крестьянка»? Речь-то о председателе. О его взаимоотношениях с РК...»³⁸ С какой целью мы привели выдержки из рецензии? Во-первых, чтобы показать читателю, что Юрий Яковлевич имел природное

---

³⁸ Орфография и пунктуация сохранены.

чувство слова, хорошо видел сюжет, глубоко вникал в тему произведения. Во-вторых, по тексту видно, с какой тактичностью он говорит автору о его недоработках, слабых знаниях взятой темы. В. Башунов и В. Попов, в отличие от Козлова, высказались намного прямолинейней и жестче.

Итак, Юрий Яковлевич параллельно, как сказано выше, ведет две работы. Если «Обыденка» чисто художественное произведение, то второе – публицистическое, построенное на архивных документах. Автор, собирая материал о главном герое Никитине, плотно работает с рядом музеев, архивов и родственниками Никитина. Кроме того, чтобы читатель поверил автору, прочувствовал время, о котором написано, автору нужно самому с головой в него погрузиться. А так как действие происходит в Монголии, то необходимо знать характеры монголов, их уклад жизни, манеры движения, мысли, говора и многое, многое другое. Для этого нужен не один год. Вот поэтому Юрий Яковлевич и взялся за материал, зацепленный в 1969 году, только в середине 80-х. Работа была опубликована в третьем номере альманаха «Алтай» в 1987 году с названием «Версия» и подзаголовком «История одного поиска». Несколькими годами позже, в 1994 году, критик и литературовед Вячеслав Анатольевич Возчиков посвятит «Версии» большую историко-литературоведческую работу, изданную отдельной брошюрой, – «Возвращение памяти». Литературовед с высоким профессионализмом анализирует работу автора «Версии», проводя параллели с другими его произведениями – «Кайнок» и «Белый Бом», сопоставляет характеры героев, анализирует стиль и т. д. Подчеркивает одно из главнейших – долгую, кропотливую работу Юрия Яковлевича в сборе и обработке материала по главному герою – Т. М. Никитину. В конце Вячеслав Анатольевич как бы

подводит итог: «За всем этим – большая творческая работа автора, архитектурное умение «держаться», «цементировать» здание повествования.

Способность Ю. Я. Козлова часами занимать внимание слушателей удивительными рассказами не могла не проявиться при работе над прозой, преломляясь в динамичные диалоги, образные сравнения, интересные параллели. А когда строки, страницы, главы еще и согреты искренностью, пропущены через душу писателя, становится понятным, почему выдержал несколько изданий «Кайнок», популярны «Белый Бом», «Есть над Чуе́й-рекою дорога»...

И конечно, «Версия», открывшая новые грани таланта алтайского прозаика. Кстати, вполне возможно, что к уже известным участникам событий гражданской войны на Алтае, названным в повести, добавятся новые имена: Ю. Я. Козлов продолжает свою поисковую работу... А значит – возвращается к нам утраченная память».

К месту будет отметить, что В. Возчиков много внимания уделил творчеству Юрия Яковлевича. Так, в том же 1994 году он издал еще одну литературоведческую работу о творчестве Козлова – «Сказавший слово...» – исторический поиск как творческий метод Юрия Козлова. Кроме того, Возчиковым написан ряд статей о творчестве Козлова, которые в разные годы были опубликованы в газетах «Бийский рабочий»³⁹ и «Алтайская правда»⁴⁰, а также им написаны несколько вступительных статей к изданиям Юрия Яковлевича.

Вернемся в середину восьмидесятых. В мае 1986 года Козлов вступает в Литературный фонд⁴¹. Несколько запо-

---

³⁹ 21.03.1987 и 04.02.1989.

⁴⁰ 09.07.1994 и 23.09.2006.

⁴¹ Билет выдан 21.05.1986.

здало, обычно в Литературный фонд обязывали вступать сразу после вступления в Союз писателей. Это еще раз доказывает, что Юрий Яковлевич не спешил пользоваться членскими благами. Но удивляет то, что руководитель отделения Литфонда, в тот период В. Н. Попов, человек ответственный и требовательный, не взял с Козлова заявления на вступление – правление Литфонда блюло численность фонда и требовало, чтобы членство фонда было 100%, а тут писатель вступил в Союз и полтора года не является членом Литфонда!

Закончив «Версию», Юрий Яковлевич принимает предложение от руководства колхоза им. С. М. Кирова (село Подсосново) Славгородского района Алтайского края написать историю возникновения, становления и развития колхоза. Дело для него не просто знакомое, но и желанное. В биографии, написанной при вступлении в Союз писателей, Юрий Яковлевич написал: «...Мне нравятся сильные, решительные люди. Говорят, они у меня «выходят». Большинство моих героев – начинающие, столкнувшиеся с трудностями профессии, бытия на первых порах самостоятельной жизни. Объясняется это разнообразием моих увлечений: шоферы, красноармейцы, начрайотдела милиции.

Вживаясь в тему, я сам, как начинающий, бреду на ощупь, учусь на ходу, а со мной учатся, набираются зрелости герои. Правомерно ли это? Думаю, да, ибо, во-первых, я не принадлежу к одной избранной стороне: городу или деревне, во-вторых, нельзя все и сразу познать хотя бы глубоко, не говоря о совершенстве, в-третьих, у каждого человека была, будет пора начинания, и она интересна сама по себе.

Сейчас на моем столе лежат черновые рукописи: повесть «Жим-жим» – о молодых шахтерах, повесть «Пору-

чение»⁴² – о сельском учителе. Умышленно обедняю аннотацию, умалчиваю темы. Они социальные, но мне не хочется до времени выдавать их. Мало ли... Рукописи-то черновые...»

Именно поэтому он принял предложение от руководства колхоза писать историю, зная, что в процессе работы состоятся новые, интересные знакомства, будет познана новая для него сфера деятельности, будут открытия. Реальность превзошла ожидания. Приехав в Подсосново в первый раз, он был поражен прежде всего внешней опрятностью села, которая присуща далеко не всем городам, не то что селам: «...я ощутил себя так, будто попал в другую страну, – вспоминал Юрий Яковлевич в 2016 году, – асфальтированные улицы, тротуарчики, заборчики как по ниточке, крашенные. Возле каждой калитки урны. Я тогда подумал: что же здесь за народ-то живет? Я на улице ни одной бумажки не увидел, не говоря уж об окурках. А я ведь тогда еще покуривал...» Но, самое главное, это, конечно же, люди. Где только с ними не довелось встречаться и беседовать Юрию Яковлевичу – в полях, на улицах, в домах, в МТС, в торговле, в животноводческих комплексах и т.д. И ни разу никто из них, даже в приватной беседе не сказал матом и ни один не отозвался плохо ни о председателе, ни о других членах правления. Удивительно, но факт! Хотя и председатель Фёдор Фёдорович Шнайдер, и члены правления – люди требовательные и принципиальные. Более того, как оказалось, в колхозе за последние десять лет не было ни одного факта пьянства на работе. Ни одного прогула. И подгонять никого не надо, и стоять ни над кем не надо, каждый труженик выполняет свою работу на совесть! Юрию Яковлевичу

---

⁴² Ни одна из названных повестей, к сожалению, так и не была закончена.

тогда такое казалось фантастикой. Он, работая в газетах, исколесил Алтайский край вдоль и поперек. Побывал не в одной сотне сел и деревень, совхозов и колхозов, но ничего подобного даже близко не встречал.

Очерк писался легко и быстро, и в начале 1988 года рукопись с названием «Наш общий дом» была сдана в Алтайское книжное издательство. Название очерку дано не случайно – автор сделал вывод, что и колхоз, и село для всех подсосновцев – общий дом, поэтому в нем чистота, порядок, доброжелательность и трудолюбие. Этой работой Юрий Яковлевич гордился до конца своих дней. Сохранил дружеские отношения с героями очерка. Такое редко бывает.

Не стоял Юрий Яковлевич в стороне от общественной работы и в отделении Союза писателей – после ухода из жизни Петра Антоновича Бородкина, который занимал пост секретаря партийной ячейки, писатели на эту должность избрали его, как человека ответственного и с большим партийным стажем. В партийной ячейке дел, конечно, было не завал, но ответственность лежала большая и времени на разные заседания, лекции, слушания уходило предостаточно. А время для писателя и журналиста, как известно, самое драгоценное. Тем не менее общественную работу Юрий Яковлевич, как всегда, вел добросовестно, но того ритма деятельности, который присущ партийным ячейкам до перестройки, уже, конечно, не было. А некоторые писатели-перевертыши, т.е. которые вступили в партию не по душевному призыву, а потому что «надо», стали отходить – партийные взносы вносили нерегулярно и не в полном объеме, собраний под различными предлогами избегали.

В июне 1988 года секретарь исполкома Алтайского кра-

евого Совета народных депутатов вручил Юрию Яковлевичу медаль «Ветеран труда». Отметим, что удостоверением «Ветеран труда»и, соответственно, полагающимися льготами Юрий Яковлевич начал пользоваться только с февраля 1999 года.

Осенью 1988 года Юрий Яковлевич сдал в издательство повесть «Обыденка». Сейчас трудно сказать, сам ли автор попросил, чтобы редактором выступил Валерий Максимович Извеков, или Судьба так распорядилась, но факт остается фактом. Над повестью долго работали, но вышла она крепкой – в конце 1989 года автор держал в руках свеженький том повести. Сам Юрий Яковлевич вспоминал: «...на «Обыденку» я возлагал большие надежды... она мне казалась самой стоящей из всех моих книг... даже в московские издательства её отсылал, думал, там издадут... но времена уже были не те. Развал пошел, книги как-то стали отходить на второй или даже третий план... Да, ты, наверное, и сам помнишь... Вышла «Обыденка», и даже ни строчки, никто, нигде! Будто и не было книги...»

Времена, действительно, были шатающиеся. Общество бродило. Все больше и больше людей пускалось в погоню за длинным рублем. Но сам-то Юрий Яковлевич не поддавался всеобщему шатанию. Он в 1989 году взялся за новую публицистическую работу – очерк о колхозе «Память Кирова» Третьяковского района Алтайского края. Дело для него было знакомое и, самое главное, желанное. Причина все та же – новые знакомства, новые знания. Плюс к этому очерк он планировал сделать с учетом гласности, без оглядки на цензуру. Впервые в творческой жизни работать без оглядки на цензуру! При одной этой мысли в груди появлялся волнующий холодок. Нужно отметить, что над очерком Юрий Яковлевич работал как никогда легко и на-

писал его сравнительно быстро – в июле 1989 года начал, а в январе 1990 года очерк объемом 13,5 условных печатных листа был сдан в издательство и в том же году вышел из печати⁴³. По тем временам это считалось фантастикой – за год написать и издать!

Глава VII

Июль 1990 года стал для Юрия Яковлевича годом больших изменений в творческой жизни. Владимир Борисович Свинцов, избранный на должность ответственного секретаря Алтайской краевой писательской организации в июне 1988 года, попав в крепкую коммерческую струю, решил не служить двум богам, а посвятить себя полностью развитию предпринимательской деятельности и ушел с поста ответственного секретаря. Юрий Яковлевич к тому времени имел со всеми писателями хорошие отношения, большинство из них считал друзьями, пользовался авторитетом, и на общем собрании его избрали ответственным секретарем. Времена уже наступили неблагоприятные, по всем параметрам видно было, что страна на грани какого-то масштабного обвала, потому становиться у руля столь непростой организации, как писательская, нужно было иметь мужество и уверенность в собственных силах. К тому же особняк, в который совсем недавно писатели въехали на постоянное место жительства, еще не был полностью обустроен, и требовались немалые финансовые средства, чтобы привести его в надлежащий вид.

В должность ответственного секретаря Юрий Яковлевич вступил 1 июля 1990 года и практически сразу окунул-

---

⁴³ Сорок лет спустя: опыт популярной истории колхоза «Память Кирова» Третьяковского района.

ся в круговерть хозяйственных дел – подготовка к Шукшинским чтениям, составление и защита смет и штатных расписаний на следующий год. В оперативном подчинении писательской организации находилось и Бюро пропаганды художественной литературы, уполномоченный Литературного фонда и альманах «Алтай». В последнем, кстати, на тот период шли брожения по переименованию – одна группировка писателей (малочисленная, но активная) жаждала сменить название альманаха на «Пикет», большая часть писателей оставались приверженцами названия «Алтай». По этому поводу дело дошло до того, что вынесли данный вопрос на обсуждение читателей – какому, мол, названию вы отдадите предпочтение?

Юрий Яковлевич, будучи по складу характера человеком созидательным и лишенным склонностей к интригам, склокам и различным войнам, не стал поддерживать ни одну из группировок. В итоге верх одержали приверженцы «Алтая», сменился состав редколлегии, ответственный секретарь. Юрий Яковлевич же в нарушение традиции не вошел даже в состав редколлегии – до него ответственный секретарь автоматически входил в состав редакционной коллегии альманаха.

В октябре 1990 года Юрий Яковлевич отправил в Москву в СП РСФСР штатное расписание Алтайского Бюро пропаганды художественной литературы на 1991 год. Для истории приведем расписание полностью: директор с окладом 250 рублей, плюс 37 рублей 50 копеек надбавки. Главный бухгалтер – оклад 240 рублей и 36 рублей надбавки. Два методиста-организатора с окладами по 100 рублей и надбавками по 30 рублей. Кассир содержался на 0,5 ставки – 70 рублей и 10 рублей 50 копеек надбавки. Если учесть, что в 1991 году в писательской организации на учете со-

стояло 35 человек (28 членов и 7 кандидатов) и литактив – 15, то штат Бюро содержался неплохой⁴⁴.

Теперь о смете... деньги с неба не падали ни в какие времена, их нужно зарабатывать. По смете Бюро необходимо было заработать 62 600 рублей. А где и каким образом это сделать? Единственный способ – это выступления на производствах, в совхозах, колхозах и т.д. Планировалось провести 1 312 творческих вечеров на сумму 57 600 рублей. Возмещение организациями командировочных расходов – 5 тыс. рублей.

Выступления делились так: на 35 членов и кандидатов Союза 912 выступлений, на 15 человек литактива – 400.

Из заработанных денег на заработную плату штата выделялось 13 248 рублей. На канцелярские и хозяйственные расходы – 2 180 рублей, на подписку газет и журналов – 40 рублей, содержание и текущий ремонт здания – 780 рублей, командировочные расходы штата – 800 рублей.

Помогала Юрию Яковлевичу в составлении штатов, смет и т.д. главный бухгалтер отделения СП Татьяна Петровна Зароченцева⁴⁵.

Из первого года работы в должности ответственного секретаря Юрию Яковлевичу еще запомнился VII съезд Союза писателей РСФСР, состоявшийся в середине декабря. Проходил он в Центральном театре Советской армии.

Чем запомнился съезд? Первое – новыми знакомствами, в том числе и с Сергеем Владимировичем Михалковым. Это была давняя мечта – познакомиться с одним из авторов гимна СССР и сказки о «Дяде Стёпе», читаной и перечитанной, наверное, не одну сотню раз самим и детьми. А второе – выступлением Владимира Сергеевича Бушина. И

---

⁴⁴ КГКУ ГААК, ф. Р485, оп. 2, д. 234.

⁴⁵ КГКУ ГААК, ф. Р485, оп. 2, д. 234.

хотя перестройка шла полным ходом, свобода слова стала модой, выступление писателя Бушина на съезде было сродни взрыву бомбы. Сразу после съезда выступление опубликовали в первом номере журнала «Кубань» в 1991 году, журнале «Вече», «Литературной газете» и ряде других изданий. Открыто, хотя и аргументированно критиковать первое лицо страны, когда еще у руля всемогущая КПСС, было делом небезопасным, и далеко не каждый осмеливался на такой шаг. Юрий Яковлевич вспоминал, что, слушая Бушина, был уверен – в лучшем случае его загребут на следующий день. Но, слава богу, этого не произошло. А когда узнал о выступлении народного депутата Сажи Умалатовой на IV съезде народных депутатов СССР⁴⁶, то понял – страна на пороге великих перемен и, скорее всего, не хороших. Не сомневался и в том, что писательская организация в целом и каждый писатель в отдельности в грядущих переменях будут чувствовать себя как в мясорубке. Но пока это предчувствовалось на уровне подсознания, и точно также, на уровне подсознания, жила надежда, что все будет хорошо. Подпитывало надежду на лучшее и то, что в крае пока все шло, как и прежде. Перемены, конечно, имели место, и разные не совсем приятные веяния нового времени тоже, но переворота-то они в жизни не делали.

Наступил 1991 год. Подготовка к Шукшинским чтениям, дела организации и масса других житейских забот и хлопот поглощали практически все время. По работе нужно решить вопросы с литературными премиями им. А. П. Соболева и В. М. Шукшина. В комиссию по премии Соболева входили сам Юрий Яковлевич, заведующий отделом культуры г. Белокуриха В. А. Остроухов и редактор газеты «Сибирская здравница»

---

⁴⁶ 17–26 декабря 1990 года.

В. А. Бочкарёв⁴⁷. Похлопотать пришлось. Шукшинскую премию вручили поэтессе из Бийска Людмиле Максимовне Козловой за «Поэму о древе», за прозу – Евгению Геннадьевичу Гущину.

С премией им. Соболева вышло несколько сложнее – было много противоречий, споров. В итоге комиссия по присуждению премии решила: присудить премию им. А. П. Соболева в размере 1 000 рублей: Василию Марковичу Нечунаеву – за книги для детей, Александру Михайловичу Родионову – за книгу «На крыльях ремесла», Виктору Ивановичу Ащеулову – за составление сборника «Память людская – тоже жизнь»⁴⁸.

И вот тогда, в период определения лауреатов, Юрий Яковлевич в полной мере понял, какие настоящие отношения между писателями. Как они друг друга «уважают» и на что способны, если дело касается премий.

«Мне, наверное, каждый вечер в течение двух месяцев звонили домой, – вспоминал Юрий Яковлевич, – и со страшной злостью убеждали, что такой-то – бездарь, невежда, пьяница, врун, предатель... мол, кому ты премию даешь! И все мои доводы, что не я даю-то премию, а комиссия, не были услышаны... я представляю, как меня за глаза полоскали... у меня было такое ощущение, будто я в дерьмо по самые уши провалился... страшно и гадко даже сейчас, а ты представляешь, каково было тогда?.. Но самое главное и самое неприятное в этом деле я тебе позже расскажу...»

А тут еще августовский путч в Москве. Общество не просто расколосось, а рассыпалось. Оно и так-то благодаря перестройке, гласности и свободе слова потеряло целост-

---

⁴⁷ КГКУ ГААК, ф. Р485, оп. 2, д. 210.

⁴⁸ КГКУ ГААК, ф. Р485, оп. 2, д. 210.

ность, а после путча и вовсе. После путча в адрес КПСС полилась масса негатива, вплоть до обвинения в антиконституционной деятельности. Союз писателей созвал внеочередной чрезвычайный съезд, состоявшийся в Москве в сентябре. Юрий Яковлевич, с его слов, не смог выехать по семейным обстоятельствам, но о событиях, о том, что были мощные попытки закрыть Союз писателей РСФСР, знал. И, если честно, опасался, как бы «пожар» из столицы не перекинулся на периферию. Опасения были небезосновательны – уже в сентябре 1991 года некоторые писатели-коммунисты, кто демонстративно, а кто при закрытых дверях, выложили партбилеты. Как к этому относиться, Юрий Яковлевич не знал – осуждать или сделать вид, что безразлично. Ведь у самого стаж коммуниста более двадцати семи лет. И вот так, в одночасье взять и отказаться от того, во что верил, что поддерживал и в чем убеждал других... Возможно ли такое? Нет, он не смог предать, не выложил партбилет. И не потому, что побоялся возврата режима, нет. Даже тогда, когда уже стало ясно, что к старому возврата не будет никогда, и тогда не отрекся. Хотя понимал, был уверен и знал, что недоработки в системе партии имелись, и ошибки допускались, и дуrolомы наверху попадались, но не отрекся. До последнего дня остался не только коммунистом, но и патриотом СССР. А день 26 декабря 1991 года считал самым черным днем в одной из самых могущественных держав мира во все времена.

Страна страной и повлиять на ход событий в стране ни Юрий Яковлевич, ни кто-то другой не мог – рухнула система, а вот удержать от распада и разброда отделение Союза писателей он обязан. А времена настали нелегкие. 1991 год и первую половину 1992-го организация прожила без значительных потрясений, а вот последующие годы выдались

весьма сложными. Финансы на заработную плату, оплату коммунальных услуг Дома писателей приходилось добывать с боем. Неоднократно администрация края (возможно, под влиянием извне) хотела убрать отделение писателей из сметы, т.е. снять с бюджетного содержания, но всякий раз Юрию Яковлевичу удавалось убедить руководство края, что этого делать нельзя.

8 декабря 1992 года на отчетно-выборном собрании писатели вновь оказали Юрию Яковлевичу доверие – избрали его ответственным секретарем на второй срок. Из 26 присутствующих на собрании писателей за кандидатуру Юрия Яковлевича проголосовали 26⁴⁹. Почетно, но ответственно.

Немного информации о том, что удалось Юрию Яковлевичу сделать для организации в первый срок. Писатели – люди творческие, и в большинстве своем в решении обычных житейских вопросов оказываются неумелыми. В особенности те, кто от природы Творец. Не научился писательскому ремеслу в процессе жизни, а природа наделила сим талантом. И, соответственно, у таких личностей всегда нехватка денежных средств. Чтобы помочь собратьям по перу, Юрий Яковлевич начал различными способами изыскивать возможности оказания им материальной помощи. Небольшими суммами, конечно, но на предметы первой необходимости хватало. Так, например, в 1991 году 26 членам Союза писателей выделено материальной помощи 165 000 рублей, в 1992-м – 160 000 рублей⁵⁰. Многие из читателей помнят, что в 1991 году и в последующие рост цен на продукты и товары, на коммунальные услуги намного опережал рост заработной платы. Как люди умудрялись выживать, сейчас только можно удивляться. Потому мате-

---

⁴⁹ КГКУ ГААК, ф. Р485, оп. 2, д. 210.

⁵⁰ Там же.

риальная помощь для писателей являлась глотком воздуха при удушье. Казенный кошт выделялся только на заработную плату штату и содержание дома Союза писателей, а на все остальное организация зарабатывала сама. Точнее сказать, председатель изыскивал деньги. Выживали, как могли. Одно время Союз сдавал некоторые помещения в аренду. Например, в подвальном помещении базировался «Фининком», в 1992 году заплативший Союзу 125 000 рублей. Нередки были случаи, когда Юрию Яковлевичу удавалось договориться с некоторыми предприятиями о выделении писателям продуктовой помощи – сахара, муки, масла и т.д. Вроде мелочь, но в период талонной системы, безумного роста цен, задержки зарплаты месяцами – ошутимая помощь.

Кроме того, Юрию Яковлевичу удавалось ежегодно изыскивать финансирование премий. О Шукшинской и Соболевской уже говорили. Существовала еще ежегодная премия УВД края. В 1993 году Первую премию УВД края получил В. Попов – за книги «Пожар в Назаровском» и «Страна Цезерония». Вторую премию получили: В. Свинцов – за повесть «Смирный эйренис»⁵¹, Э. Прутковский – за повесть «Район»⁵², В. Плесовский – за повесть «Побег»⁵³. И это только маленькая часть из того огромного потока дел, которые приходилось решать Юрию Яковлевичу в период работы в должности ответственного секретаря.

Те, кто жил и работал в лихие 90-е на руководящих должностях в госструктурах, помнят, какая коловерть царила с окладами и тарифами! Их приходилось менять ежеквар-

---

⁵¹ Журнал «Алтай» № 1, 2 за 1993 г.

⁵² Сборник произведений молодых писателей Алтая: Барнаул, 1993 г.

⁵³ КГКУ ГААК, ф. Р485, оп. 2, д. 210.

тально, обосновывать, защищать. Это каторжный труд. К примеру, на 1993 год из штата писательской организации край не хотел, а жаждал убрать одного литературного консультанта, одну уборщицу (а еще лучше обеих, мол, и сами может убирать за собой, не изработались), завхоза (мол, у вас все-таки не производство) и кассира (пусть бухгалтер выдает зарплату). И даже удивлялись краевые экономисты – для чего вам главный бухгалтер на полдюжины единиц? Можно содержать просто бухгалтера. Тем не менее Юрию Яковлевичу удалось сохранить штат в полном объеме и с достойным финансированием. Приведем полностью штатное расписание на 1993 год:

Ответственный секретарь – оклад 20 407 руб. 50 коп., доплата 3 061 руб. 12 коп. = 23 468, 62 руб.

Гл. бухгалтер – оклад 14 647 руб. 50 коп., доплата 2 197 руб. 12 коп. = 16 844, 62 руб.

Литконсультант – оклад 12 960 руб., доплата 1 944 руб. = 14 904 руб.

Литконсультант – оклад 12 960 руб., доплата 1 944 руб. = 14 904 руб.

Машинистка – оклад 4 297 руб. 50 коп., доплата 644 руб. 63 коп. = 4 952 руб. 13 коп.

Дворник – оклад 2 250 руб., доплата 337 руб. 50 коп. = 2 587 руб. 50 коп.

Уборщица – оклад 2 475 руб., доплата 371 руб. 25 коп. = 2 846 руб. 25 коп.

Уборщица – оклад 2 250 руб., доплата 337 руб. 50 коп. = 2 587 руб. 50 коп.

Завхоз – оклад 3 802 руб. 50 коп., доплата 570 руб. 37 коп. = 4 372 руб. 87 коп.

Кассир – оклад 3 802 руб. 50 коп., доплата 570 руб.

37 коп. = 4 372 руб. 87 коп.⁵⁴ А цены-то росли еженедельно. И не успели Юрий Яковлевич с Татьяной Петровной перевести дыхание, как вновь нужно переделывать штатное расписание и вновь убеждать краевое руководство в каждой единице, в каждой копейке, вернее тысяче рублей.

С 1 апреля 1993 года:

Ответственный секретарь – оклад 40 815 руб., доплата 6 122 руб. 25 коп. = 46 937,25 руб.

Гл. бухгалтер – оклад 29 295 руб., доплата 4 394 руб. 25 коп. = 33 689,25 руб.

Литконсультант – оклад 25 920 руб., доплата 3 888 руб. = 29 808 руб.

Литконсультант – оклад 25 920 руб., доплата 3 888 руб. = 29 808 руб.

Машинистка – оклад 8 595 руб., доплата 1 289 руб. 25 коп. = 9 884,25 руб.

Дворник – оклад 4 500 руб., доплата 675 руб. = 5 175 руб.

Уборщица – оклад 4 500 руб., доплата 675 руб. = 5 175 руб.

Уборщица – оклад 4 950 руб., доплата 742,5 руб. = 5 622,5 руб.

Завхоз – оклад 7 605 руб., доплата 1 140,75 руб. = 8 745,75 руб.

Кассир – оклад 7 605 руб., доплата 1 140,75 руб. = 8 745,75 руб.

Общий расход за 1993 год составил 2 500 000 руб. в т.ч. з/п 1 341 525 руб.

Начисления к з/п – 523 195 руб.

Хозрасходы – 300 000 руб.

Командировочные – 100 000 руб.

---

⁵⁴ КГКУ ГААК, ф. Р485, оп. 2, д. 247.

Приобретение оборудования – 80 000 руб.

Текущий ремонт – 100 000 руб.

Прочие расходы – 55 280 руб.⁵⁵

Обратите внимание на рост окладов – за квартал в два раза! Понимаете, какая нагрузка для краевого бюджета, и, соответственно, какие усилия и доводы нужны, чтобы согласовать штатное для общественной организации, не производящей ничего. И это в то время, когда на производствах задерживали выдачу зарплаты на три-четыре месяца, когда даже книжное издательство закрывалось. А писательская организация получала финансирование.

Юрий Яковлевич настолько погрузился в заботу о выживании организации, помощи членам Союза, что личное творчество отошло на второй или даже третий план. Работал над рукописями редко и урывками.

Среди множества работ для организации назову одну – издание книжной серии «50-летию народного подвига» писателей-ветеранов Великой Отечественной войны. Впрочем, вот как об этой работе вспоминает Вячеслав Анатольевич Возчиков – член Союза писателей России, лауреат Алтайской краевой Литературной премии имени В. М. Шукшина (2005 г.), доктор философских наук, профессор (г. Бийск): «Мне затруднительно говорить о Козлове, ибо – так уж судьба сложилась – неизбежно придется вспоминать и о себе... Последнее же – нескромно, не так ли?.. Потому если все же в некоторых строчках послышится «яканье», прошу простить – стало быть, не смог иначе...

Моему знакомству с Юрием Яковлевичем предшествовала встреча со Станиславом Яненко, произошедшая, если не ошибаюсь, в 1982 году. О Стасе мне в свое время рассказывал университетский товарищ, так что когда услышал в

---

⁵⁵ КГКУ ГААК, ф. Р485, оп. 2, д. 247.

коридоре редакции «Бийского рабочего» фамилию прибывшего из Барнаула уполномоченного Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей, не преминул уточнить: «А вы знали такого-то?..» Через час наше знакомство продолжилось за столиком ресторана «Бия».

По предложению Станислава Степановича я взялся организовывать творческие встречи алтайских писателей в Бийске. Тогдашний директор Бюро Владимир Борисович Свинцов охотно согласился, более того, посулил рубль (!) за каждое состоявшееся выступление. Обещания, правда, не сдержал, но я был не в претензии, радуясь приобщению к миру литературы. Полагаю, довольны были и «барнаульские классики», уезжавшие домой с весьма достойным количеством отмеченных путевок.

Замечательно, особенно в детской аудитории, выступал Лев Израилевич Квин, очаровывала слушателей стихами Ольга Фёдоровна Гришко-Юровская, пунктуально следовал по маршруту от одного трудового коллектива к другому Виталий Степанович Шевченко... Тогда местный Союз не был столь многочисленным, как сегодня, едва ли не с каждым его членом посчастливилось поработать... А имена-то какие!.. Иван Павлович Кудинов, Игорь Михайлович Пантюхов, Владимир Мефодьевич Башунов, Владимир Андреевич Сергеев, Александр Михайлович Родионов, Анатолий Владимирович Кирилин, Виктор Николаевич Попов... Жаль, не тот случай, чтобы упомянуть всех, просто тепло на сердце, когда вспоминаешь о замечательных людях, тех днях, когда все мы были относительно молоды, стремились проявить себя, искали новых впечатлений...

Тогда, в 80-е, Юрий Яковлевич Козлов приезжал в Бийск часто. И его тянуло сюда, и я, как нештатный уполномоченный Бюро, с особым удовольствием его приглашал...

Ибо Козлов в аудитории перед слушателями – нечто вдохновенное, яркое, непременно познавательное!.. Кто-то в писательских кругах даже иронизировал: мол, он говорит лучше, чем пишет!.. Да разве можно сопоставлять несопоставимое. Устное слово в сочетании с мимикой, жестами, паузами, восклицаниями и прочим подобным – суть качественное концертно-театральное шоу, совершенно особый дар, отличный от так называемого литературного мастерства, укорененный в личной доброте и открытости душевной!.. Однако я бы не назвал Козлова профессиональным оратором, сознательно использующим те или иные приемы для достижения некоего желаемого воздействия. Сие Юрию Яковлевичу было не нужно – ведь не агитатор, не политик, не вузовский преподаватель, наконец... Просто он приходил в аудиторию не «отрабатывать», а делиться сокровенным, излюбленными идеями, выношенными убеждениями; не «бубнил» в очередной раз когда-то составленный «гостевой» текст, но сопровождал слова жаром сердечным, ненавязчиво обращая слушателей в свою веру, духовное знамя которой – патриотизм.

Однако я, кажется, увлекся обобщениями, пора сказать и о конкретном. Тематика выступлений Козлова была весьма разнообразной – актуальные события жизни страны, дела писательской организации, проблемы образования, воспитания, культуры, литературы... Главный же «конёк» Юрия Яковлевича – история, о бийских дореволюционных купцах он рассказывал так, словно сам видел, как куролесил на городских улицах Дмитрий Сычев, наслаждался горячими пирожками с требухой дородный Фирсов, съезжались гости в особняк Асанова, где, к слову, сегодня филиал Бийского краеведческого музея... А уж героика Великой Отечественной для Юрия Яковлевича – вообще нечто свет-

лое, личностное, о ней он и писал постоянно (цикл «Раны», например), и говорил...

Затрудняюсь сказать, сколько раз выступал Козлов в Бийске, думаю, что количество встреч нужно считать десятками, а может – и за сотню перевалило... Я, работая тогда в газете, хорошо знал город, руководителей предприятий, учреждений образования и культуры; как правило, писателей любили, встречали охотно, устраивая для своих коллективов маленькие литературные праздники.

Кстати – и непременно! – о военной теме... В 90-е годы я оказался в Научно-издательском центре Бийского педагогического института (позже – университет имени Василия Макаровича Шукшина) – соответственно, место встречи барнаульских писателей переместилось из журналистского кабинета в главный корпус вуза. К пятидесятилетию народного подвига в Великой Отечественной войне затеял Юрий Яковлевич издать в серийном исполнении произведения местных писателей-фронтовиков. Вспоминаю, как он радовался: «Вот это настоящий памятник будет – на века!». И всё ведь у нас получилось!..

В 1994–1995 годах были выпущены книги Марка Иосифовича Юдалевича «Нас всё меньше и меньше» (стихотворения и поэма), Льва Израилевича Квина «Живы будем – не помрём!», Виталия Степановича Шевченко «Век звезды» (повесть-притча), Александра Васильевича Гусева «Окруженцы», Василия Фёдоровича Гришаева «В тыловом городе». Вошли в серию и военные произведения Козлова (сборник «Суждено быть»)... Да, Юрий Яковлевич – не фронтовик, однако, насколько мне известно, издание его книги в писательском сообществе возражений не вызвало – и тематика соответствовала, и своеобразное поощрение усилий инициатора проекта...

Хлопот же хватало!.. Козлов регулярно курсировал с рукописями, документацией, требуемой для типографии, между Барнаулом и Бийском; мы с Анной Юрьевной Дейкиной (сегодня – Арутюнян) тогда только-только осваивали издательские компьютерные программы, чтобы на высоком уровне выполнить текстовую подготовку, верстку книг; я писал вступительные статьи для каждого тома; иллюстрациями занимался член Союза художников Виктор Михайлович Хвостенко; для «пробивания» заказа в полиграфическом предприятии «Катунь» подключился ректор Константин Георгиевич Колтаков...

С Колтаковым тогда Юрий Яковлевич крепко подружился!.. А поскольку, как любил говаривать Константин Георгиевич, «дружба – это улица с двусторонним движением», они не просто симпатизировали, но и помогали друг другу... Например, публицистические публикации ректора стали регулярно появляться в журнале «Алтай», у Козлова же всегда была возможность выступить в студенческой аудитории, в кафе «Круиз» или в столовой главного корпуса нет-нет, да и накрывался столик для дружеских посиделок... Ведь радость общения – бесценна, ее никакими полезными «связями» не заменишь!.. Ветераны краевой писательской организации, конечно, помнят и не дадут соврать: хлебосольство Колтакова было обильным и радушным!..

Помнится, активно поддержал Константин Георгиевич мой гуманитарно-образовательный проект «Человек культуры» – обширный комплекс исследовательских, воспитательных и просветительских мероприятий, в котором значительное место отводилось творческим писательским встречам. Выпускались программки, красочные афиши, благо в приемной ректора тогда еще функционировал цвет-

ной принтер... К участию в проекте подключились Юрий Яковлевич Козлов, Александр Михайлович Родионов, Владимир Мефодьевич Башунов... Увы, должен грустно вздохнуть сегодня: светлая память ушедшим из мира живущих ярким творческим личностям!..

Может, кому-то покажется небесполезным мой совет: прежде чем мечтать о воплощении какой-то яркой, амбициозной идеи, обзаведитесь талантливыми, отзывчивыми, легкими на дело друзьями!.. Когда я в конце 90-х предложил Колтакову издавать первый в Бийске «толстый» литературно-художественный, общественно-политический журнал «Розмысл», а затем – многостраничную газету «Добродей», приуроченную к Дням Славянской письменности и культуры, рядом были дорогие мне люди, в чьей помощи и поддержке не сомневался: Юрий Яковлевич Козлов, барнаульский профессор Александр Николаевич Орлов, философ и писатель из Санкт-Петербурга академик РАО Александр Аркадьевич Корольков...

В краевой научной библиотеке имени В.М. Шишкова хранятся и «Розмысл», и «Добродей», желающие могут полистать... Не пожалеете, честно!.. Между прочим, мы выпускали тогда и книжную библиотечку «Розмысла» (раньше, чем журнал «Алтай»!), учредили редакционные литературные премии.

Говорят, нельзя хранить телефонные номера тех, кого уже нет с нами, – примета, мол, плохая. Номер Козлова не удалял из мобильного несколько лет – просто зачем-то иногда смотрел на ставший бездушным ряд цифр, вспоминая бодрую хрипотцу Юрия Яковлевича:

– Привет тебе!..

Такая ведь жизнь наша – всегда что-то кажется упущенным, о чем-то непременно хочется договорить, дорасска-

зять... Вот и сейчас – вспомнилось... С тихой радостью, благодарностью сердечной...»

Пояснения: произведения, вошедшие в книгу «Суждено быть» – «Суждено быть» и «Должен рассказать о нем» – написаны были Юрием Яковлевичем в 1970 и 1972 годах. Это к тому, что, как сказано выше, на свое творчество у него времени не оставалось.

Вернемся в 1996 год. Как руководитель организации Юрий Яковлевич работал на совесть, выкладывался полностью, но итог оказался ожидаемым. В силу доброты душевной, которую большинство людей принимают за слабость характера, вокруг него, скажем так, сформировалась определенная группа писателей, для которой он делал больше, нежели чем для других. Так, например, кроме прочих финансовых и материальных благ Евгений Гушин получил Шукшинскую премию – в 1991 году и в 1995-м (!). Виктор Попов – в 1992 и 1994 годах. Александр Родионов – в 1994 и 1996 годах. Игорь Пантюхов – в 1994 году. Иван Кудинов – в 1992 году. А сам же Юрий Яковлевич стал обладателем Шукшинской премии только в 2004 году! О событиях второй половины 1996 года Юрий Яковлевич вспоминал:

«До меня стали доходить слухи о том, что некоторые писатели за моей спиной, конечно, выказывают недовольство моей работой. Ну, ропщут, и пусть ропщут. Так было, так есть и так будет. Хорошим для всех ещё никто и никогда не был. Сколько добра бы ты не делал, всем никогда не угодишь. Найдётся пара-тройка недовольных обязательно. И, как правило, это те, кому ты больше других сделал.

И вот в один прекрасный день (вторая половина августа 1996 г.), как часто пишу в разных произведениях, прихожу я в кабинет и вижу на столе конверт. Спрашиваю секретаря

ря: кто это и что принёс? Она прячет взгляд, плечиками пожимает. Ну, взял я конверт, открыл, вытащил послание, прочитал. Черная, как принято говорить, метка была в конверте... И подписали её... не буду говорить кто, именно те, кому я больше других и делал⁵⁶. На означенное в «послании» число⁵⁷ я собрал собрание и оповестил организацию об уходе с поста ответственного секретаря. Истинную причину, конечно, говорить не стал... понимал, что, если скажу причину, дам только повод посмеяться над собой. Более того, среди писателей, тех, кто не подписался под «посланием», найдутся те, кто тут же примкнёт к инициативной группе, поддержит её и бросит в меня камень. Я решил уйти...» Врожденная скромность и интеллигентность Юрия Яковлевича не позволяли назвать фамилии тех, кто на добро ответил бессовестностью, даже после того, когда тех, кто подписался под «черной» меткой, уже не было в живых. Не хотел чернить их имен даже после смерти – вот это и есть настоящая человеческая порядочность. Но мы для истории все же решили указать фамилии, найдя это «послание».

На собрании разыграли комедию и позволили Юрию Яковлевичу сходить в отпуск и только потом уволиться⁵⁸. А новый ответственный секретарь милостиво предложил остаться в штате организации в качестве литературного консультанта. Сгоряча Юрий Яковлевич согласился, а позже, трезво обдумав ситуацию и свое положение, – уволился⁵⁹.

---

⁵⁶ Е. Гуцин, И. Пантюхов, В. Башунов, В. Нечунаев, М. Юдалевич, В. Свинцов, А. Родионов, подписи еще двоих неразборчивы. Все, кроме В. Попова, кому он выхлопывал премии.

⁵⁷ 30 августа 1996 года.

⁵⁸ Уволился 01.10.1996.

⁵⁹ 01.12.1996.

Видимо, находиться ежедневно в кругу людей, которые за добро отплатили неблагодарностью, было выше его сил. Кроме того, хотелось наверстать упущенное в творчестве за годы служения Союзу писателей. Нароботок на столе образовался завал, а задумок еще больше, душа и руки жаждут создать повесть или даже роман. Чем черт не шутит...

Глава VIII

И вот Юрий Яковлевич на вольных хлебах. Самоизолировался от основной массы коллег-товарищей. Круг общения сузился до полудюжины человек. Удалось ли окунуться в творчество с головой? Отчасти. Как бы там ни было, а от не совсем приятного ухода с поста ответственного секретаря в душе осталась рана, и он надолго выбился из творческого ритма. Хотя писать он продолжал. Практически ежедневно заставлял себя садиться за рукопись начатого в 1995 году «Заказного романа», но это не было полным погружением, как того требует литература. Позже Юрий Яковлевич рассказывал, что, бывало, главу, написанную днем ранее, перечитывал, понимал, что она «мертвая», перечеркивал и начинал заново. Почему? Душа кровоточила от несправедливой обиды, не участвовала в написании. Писал-то от ума. А что создается от ума – без души, не примется читателем, он почувствует надуманность на уровне подсознания.

Тоже самое происходило и с другими произведениями того периода – повестями «Челюсти преисподней», «Жим-жим», «Поручение», «Фатум Владимира Ганина». Начинал писать, через какое-то время перечитывал, зачеркивал, откладывал. Возвращался к ранним произведениям, которые убирал в стол в семидесятых – восьмидесятых годах. Но

и с ними дело не встало на нужный ход. Прометавшись таким образом до мая 1997 года и поняв, что самоизоляция может только усугубить внутреннее состояние, Юрий Яковлевич приходит в журнал «Алтай» редактором отдела публицистики. Пост главного редактора тогда занимал С. Вторушин, редактора отдела прозы – В. Попов. В редактологию входили: О. Юровская, В. Нечунаев, В. Свинцов.

Правильный ли шаг был сделан? Привел ли он к стабилизации внутреннего состояния? Однозначно сказать не мог даже сам Юрий Яковлевич. Отношения с коллегами внешне были равными, а внутренне, он чувствовал, холодными. Возможно, он это просто надумал. Человеку, получившему незаслуженный удар по самолюбию, всегда мнится, что окружающие относятся к нему недружественно, неискренне, и у всех камушек за пазухой. Ну, так или иначе, а внешне атмосфера в журнале казалась спокойной. Юрий Яковлевич почувствовал востребованность, что для творческой личности очень важно. Он делится опытом, помогает начинающим литераторам «становиться на крыло».

В том же 1997 году в качестве представителя журнала Юрий Яковлевич принимает участие в Шукшинских чтениях, встречах с читателями, библиотекарями, членами литературных объединений и кружков, рассказывает о себе, своем творчестве, героях своих произведений. Аудитория любит Юрия Яковлевича. Рассказывать он умеет, делает это не спеша, словно обдумывает и взвешивает каждое слово. Так обычно работает художник, прежде чем нанести краски на холст.

Все это вкупе отвлекало Юрия Яковлевича от мрачных мыслей о нанесенной обиде и помогало вернуться в творческое состояние – он вновь стал много писать. Так, например, он собрал ряд рассказов военной тематики, под-

работал их на свежий взгляд и в 1998 году издал книгой с названием «Железная гарантия». Автор предисловия Вячеслав Возчиков очень хорошо охарактеризовал сборник, написав, что «...книга в целом не о войне – о характере русского человека, о понимании им долга перед Отечеством. Своего места на земле...». И это точно, потому как во всех произведениях Юрия Яковлевича главное не сюжет, а характер человека, его душа, внутреннее состояние.

В это же время он возобновляет работу над начатым в начале 1995 года «Заказным романом», который в усеченной форме публикует в каждом пятничном номере «Алтайской правды» с 12 декабря 1997 года по 9 октября 1998 года. Удивительно, но знающий Юрия Яковлевича человек, читая завершающую главу газетной публикации, поймет, что главный герой наделен многими чертами характера автора. Вчитайтесь: «Сколько живу, столько и страдаю оттого, что быстро забываю чужие тычки, насмешки, упреки... люди, увы, разные. Мою терпимость и снисходительность многие понимают как слабость, как отсутствие воли и нередко упражняются в остроумии по моему адресу.

Иногда и по случаю я вспоминаю одного коротышку, который в присутствии женщин любил унижать меня заготовленными впрок вопросами. Совсем как герой известного рассказа.

– Скажи-ка нам, что такое кватроченто? Не слышал? А туда же!.. Но, может, ты вспомнишь, что обозначает рапсод?.. Извини, я не хотел...

При этом он поглядывал на меня, сильно запрокинув голову, и получалось, будто бы глядел он сверху. Я понимал его истерику и прощал искренне, следуя мудрости дедов: на хай болезного...

А в душе некоторое время пощипывала небольшая цара-

пинка. Он хоть и дурак, мой знакомец, но бил-то по живому, а живое болит.

Другому сотоварищу нравилось обсуждать мою одежду.

– Нынче спортивный костюм в моде, а ты по старинке... – говорил он на работе, в компании, в бане. Пестрый, как селезень, интеллигент в первом поколении считал допустимым для себя колоть мне глаза, указывая на «нетерпимые» недостатки: привязанность к привычным вещам и нетленной дружбе, сдержанность, даже уклончивость в критике отсутствующего...

Я отказывался от разговоров, уходил, и тогда доставалось мне и моей жене. Бывали дни, когда я без медицинских показаний часами икал, что, по мнению людей старых и уважаемых, обозначало перемывание моих костей...»
Ведь это же все он взял из своей жизни периода работы ответственным секретарем писательской организации и все дал герою! Конечно, в несколько олитературенном виде. В личной же беседе с автором этих строк он рассказывал жизненные ситуации без прикрас, и мне оставалось только удивляться, как и почему он прощал хамам все их выпады? Видимо, потому, что не желал уподобляться им.

После «ухода» с должности ответственного секретаря Юрий Яковлевич, по характеру человек публичный и общительный, легко допускающий к себе близко после короткого знакомства, а то и с первой же встречи, резко изменился. Как сказано выше, круг его общения сузился до нескольких имен, которых можно было пересчитать по пальцам на одной руке, и новых дружеских отношений он не заводил. А до августа 1996 года он считал, что в круг его друзей входит не один десяток человек. И гордился этим. Более того, для тех, кого он считал другом, он делал все, что в его силах, откликаясь на любую просьбу, не считаясь

с личным временем. Числил в друзьях и тех, кто создал и подписался под «черной меткой». Именно это обстоятельство, сказал позже Юрий Яковлевич, не называя имен, и вызывало боль. Но эту боль он не показывал никому. Внешне он, как всегда, выглядел спокойным и со всеми, включая авторов «метки», вел себя одинаково ровно. Даже совместных застолий не избегал, если, конечно, это были коллективные мероприятия, а вот застолья в узком кругу обходил под любым предлогом.

В январе 1998 года Юрий Яковлевич получил повышение по службе – перевели на должность заместителя главного редактора. Плюс в повышении был только один – финансовый, оклад увеличился. А минусов несколько. Первое, это урезка времени на личное творчество, ибо заместитель, по сути, первый помощник главреда – ежедневно быть на работе, сходи или съезди туда-сюда, вычитай это, поговори с тем, подготовь это и т.д. и т.п. Второе – шестое чувство подсказывало, что от главреда в любой день можно схлопотать удар в спину. Опасался не без основания – Юрий Яковлевич много знал о делах, которые бы главреду хотелось оставить в тайне от общества навсегда. Из истории мы знаем, что людей, обладающих такими тайнами, убирают при первом же удобном случае. Физически, конечно, Юрию Яковлевичу такое не грозило – все-таки Барнаул не Чикаго, а вот быть выброшенным из обихода журнала и вычеркнутым из общественной жизни чужими руками – запросто. Тогда у некоторых может возникнуть вопрос: а для чего же главред брал его в журнал и повысил в должности? Здесь все просто: обладатель тайны никогда и ни в чем не получит отказ от того, чьей тайной он владеет. В случае отказа тайна очень скоро перестанет быть тайной. Кроме того, Юрий Яковлевич за шесть лет руко-

водства организацией наладил много полезных деловых знакомств, чем и был ценен для журнала в условиях рыночной экономики.

В тот же период Юрий Яковлевич подготавливает к изданию сборник рассказов «Железная гарантия» (о нем говорилось выше), хотя, нужно отметить, переиздавать Юрий Яковлевич не любил. На вопрос: зачем же он тогда выпустил «Железную гарантию», ответил так:

– Так ведь тиражи-то ныне какие выходят? Пятсот, в лучшем случае – тысяча. Это ж капля в море в сравнении с тиражами советского периода... вот, помню, у меня «Кайнок» вышел в первом издании тиражом в тридцать тысяч! Вот это тираж для края нормальный, а тысяча... это так, для узкого круга.

При этом по лицу Юрия Яковлевича как бы тень промелькнула.

Конец 1998 года и первая половина 1999-го ушли на обработку собираемого более 20 лет материала о Великой Отечественной войне.

– Собирал я его буквально по крупичкам, – вспоминал Юрий Яковлевич. – И сам не знал куда... не знал тогда, во что его превращу: рассказ, очерк, повесть или роман... Мне было интересно, и я собирал, собирал... Мне было интересно встречаться с людьми, воочию видевшими войну, испытавшими на своей шкуре все ее «прелести», боровшимися не только с фашистами, но и с вшами... интересно читать документы, а письма и дневники военных лет, тоже документы... я собирал, читал, прокручивал в голове, и вот вдруг тукнуло – надо сделать вот так! И я взялся, сделал и, надо сказать, сделал довольно быстро. Не на одном дыхании, как любят иногда трепануть некоторые щелкопёры, но быстро... и вот получилась приличная повесть...

В новый сборник (отпечатан в НИЦ БиГПИ в начале 2000-х годов) вошли повесть «Версия. История одного поиска», издававшаяся ранее, и эпистола «Психическая атака»⁶⁰. Во вступительной статье «Исторический поиск как процесс понимания» член Союза писателей России В. Возчиков подчеркнул: «Творчество Юрия Козлова – счастливый синтез труда историка и литератора, не мешающих, а дополняющих друг друга. В угоду первому Козлов не торопится обнародовать свои находки. Порой даже создается впечатление, что сам факт публикации для него неважен – гораздо увлекательней сличать источники, пополнять папку воспоминаниями очевидцев... Потом эту папку можно долгие годы перелистывать, анализировать, группировать события... Когда же за дело принимается литератор – выявляется не факт как таковой, обусловленный временем и пространством, а его глубинный смысл, человеческое, психологическое значение».

После выхода книги предисловие как отдельная статья было опубликовано в газете «Алтайская правда»⁶¹.

В начале 2000-го в жизни Юрия Яковлевича произошло еще одно знаковое событие, которому он изначально не придавал никакого значения – в редакцию журнала «Алтай» на должность редактора отдела прозы приняли Ольгу Фёдоровну Гришко-Юровскую⁶², члена Союза писателей России. Знакомы они, разумеется, были и ранее – в Барнауле Ольга Фёдоровна с супругом Игорем Фёдоровичем жили с 1986 года. Она работала в Алтайском книжном издательстве, затем в журнале «Барнаул», вела при писательской организации литературную студию и т.д. Но тесного

---

⁶⁰ Впервые опубликована в журнале «Алтай» № 5 за 1998 г.

⁶¹ № 159 за 11.07.2000.

⁶² Принята в журнал «Алтай» редактором прозы 5 января 2000 год.

общения не было. А тут... в одном кабинете полный рабочий день, к тому же у Юрия Яковлевича решился вопрос издания «Заказного романа»⁶³, и Ольга Фёдоровна выступила редактором. И между ними, как коллегами, сложились хорошие, теплые отношения, со временем перешедшие, со слов Юрия Яковлевича, в разряд дружеских.

В 2001 году Юрий Яковлевич закончил, вернее сказать, собрал воедино и обработал несколько материалов, объединив их в повесть «Челюсти преисподней»⁶⁴. Ранее это произведение было опубликовано в усеченном варианте в журнале «Алтай», и в редакцию пришло несколько положительных отзывов, что, собственно, и подвигло автора на издание повести отдельным изданием. Редактором вновь выступила О. Ф. Гришко-Юровская.

Со стороны жизнь Юрия Яковлевича с начала 2000-х казалась вполне благополучной – заместитель главного редактора солидного журнала, гонорары за публикации хотя и не ахти какие, но все же деньги, пенсионер, книги выходят ежегодно, частые встречи с читателями на различных мероприятиях и т.д. В 2001 году наградили Почетной грамотой Правления Союза писателей России, в 2002 году за книгу «Заказной роман» получил Алтайскую краевую премию «Лучшая книга года». Благодать. Но узкий круг друзей знал, что это далеко не так. Проблемы были и довольно серьезные. У любимого человека – супруги – сильно пошатнулось здоровье. Не менее серьезные многолетние проблемы со здоровьем у сына Алексея, в результате чего в семье (сын жил с родителями) возникали тяжелые ситуации. У самого Юрия Яковлевича начали болеть ноги.

---

⁶³ Книжная серия «Писатели Алтая», т. 6, Барнаул, ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2001 г.

⁶⁴ Барнаул, 2002 г.

Медицина ни супруге, ни сыну, ни самому Юрию Яковлевичу помочь не могла, несмотря на немалые финансовые затраты. Но семейные проблемы, имея горький опыт, Юрий Яковлевич тщательно скрывал. Отдохновение находил только в работе.

В 2002 году судьба свела Юрия Яковлевича с интересным человеком – Алексеем Ивановичем Кобелевым. Алексей Иванович вспоминает: «С Юрием Яковлевичем мы крепко сошлись поздно, где-то в конце 2002 г. Он уже был известным и признанным писателем, а мои первые книги появились только в том году.

8 сентября 2002 года исполнялось 200 лет со дня создания МВД России. Года за полтора до этой даты вернулся из командировки начальник ГУВД Алтайского края генерал-майор милиции В. А. Вальков, собрал у себя ветеранский актив и говорит:

– К юбилею МВД надо разыскать всех руководителей полиции и милиции региона за 200 лет и издать книгу очерков о них.

Все кивают на меня, ибо я давно подбирал материалы по истории органов внутренних дел. Мы нашли руководителей полиции и милиции за 240 лет. Более того, представили всех руководителей региона, установили 486 имен сотрудников органов внутренних дел, погибших в Гражданской и Великой Отечественной войнах, и при исполнении служебных обязанностей. Издали три книги, имена павших золотом засверкали на мемориале перед зданием ГУВД. Меня пригласили в Москву, на торжественную церемонию юбилейного празднования. Зам министра генерал-полковник милиции Е. Б. Соловьёв вручил мне диплом, серебряную нагрудную медаль, памятную настольную медаль и премию.

С этими книгами я пришёл в редакцию журнала «Алтай», располагавшейся в здании «Алтайской правды». Юрий Яковлевич, узнав, что я вернулся из Москвы, неподдельно обрадовался, подержал в руках книги и начал вспоминать, как он ездил в Москву, когда его повесть «Кайкок» была удостоена диплома литературного конкурса МВД СССР и Союза писателей СССР. На вокзале его встретил майор милиции, привёз в гостиницу. На завтра он же пригласил Юрия Яковлевича в машину и привез его на торжества в министерстве.

Рассказывал Юрий Яковлевич неторопливо с теплотой и гордостью, а я думал о том, что приглашение в столицу – это уже признание мастерства литератора, это высший оценочный бал его творчества, это высокий уровень уважения к таланту писателя.

Главного героя Юрий Яковлевич не придумывал, он взял реального начальника милиции Онгудайского района Пирогова Корнея Павловича, прославившего беспощадной борьбой с преступностью. Писатель в прямом смысле влюбился в своего героя, радовался удачной находке. Как-то он говорил: посмотри, это настоящий русич, у него фамилия, имя и отчество, простые, древне русские: Пирогов, Корней, да и весь облик его олицетворяет русского мужика – сильного, трудолюбивого, сметливого, находчивого и доброго.

Презентацию повести Юрий Яковлевич делал в бийской милиции, там же заканчивал службу майор милиции К.П. Пирогов. Его попросили поучаствовать в мероприятии. Слово взял почти последним. Говорил, как всегда предельно конкретно, точно указывал, где автор переврал, где перепутал, а что придумал. Но закончил речь твёрдо и категорично: «Эта книга про меня!».

Возможно, Корней Павлович и не знал, что в литера-

турно-художественном произведении автор волен излагать свои взгляды, эмоции, мысли и даже воображения с фантазиями.

Ещё при первой встрече Юрий Яковлевич спросил:

– Ну, что будем вступать в Союз писателей?

Я пожал плечами, дескать, не мне решать. Он промолчал.

Через несколько лет, когда вышли новые книги, исторический том «Сквозь завесу времён» был оцифрован университетом американского штата Индиана, а в журнале «Алтай» ежегодно появлялись мои публикации, он категорично и твёрдо бросил:

– Пиши заявление в Союз. Давно созрел.

Я написал. В союз литераторов меня принимала группа, вышедшая из-под крыла В. Б. Свинцова, возглавлявшего писательскую организацию края. Она вышла в знак протеста против его постулатов, нечистоплотности, наглой фальсификации истории, не обременённого такими принципами, как честность и порядочность.

Мои документы на вступление в Союз писателей лежали в Москве без рассмотрения 2,5 года. Сначала шла переписка о правомочности группы в вопросах приёма новых членов Союза. В Москве явно не хотели раскола Алтайской организации и всячески подталкивали к объединению.

Патриотическая часть писательского сообщества объединилась вокруг журнала «Алтай». Редакция сумела превратить журнал в притягательную силу, в центр писателей, публицистов, учёных, депутатов патриотической направленности, и они не редко поднимали острые вопросы жизни общества.

Журнал стал лучом света в причесанном и приглаженном потоке официальной пропаганды. Он не был оппози-

ционным к власти, но и не страшился публиковать материалы, не совпадающие с оптимистическими заявлениями о возрождении России, о России, устремлённой в будущее и прочими красивыми лозунгами. За это и ценили его читатели.

Губернатор А. Б. Карлин долго морщился, но терпел публицистику в журнале. Но когда в конце 2014 г. появилась аналитическая статья авторитетного учёного Василия Ильича Казанцева «Алтайское село после второго пришествия капитализма», его понесло, он разбушевался. Сначала распорядился закрыть раздел публицистики, а его редактора уволить. Вслед – другое решение: журнал закрыть, издавать альманах, поручить его краевой библиотеке, литераторов уволить. Кстати, это происходило, когда на дворе шёл «Год литературы», объявленный президентом страны.

Но Александру Богдановичу всё по фигуре. Он не творец и не созидатель, он прокурор, его дело не давать и не пущать. Для того и направили на Алтай, ибо тут красного цвета оказалось многовато, аналитиков не пуганных, понимаешь, развелось не счесть...

Ранее он отказал в содействии, дабы сохранить Дом писателей, построенный в советское время на средства литераторов, но удушенный теперешними коммунальными тарифами.

Писатели остались без своей крыши, без журнала, наедине со своими проблемами. Руководитель организации тогда заявил: «Такого литературного погрома, как на Алтае, я не видел нигде».

Юрий Яковлевич не присутствовал на карлинской расправе, он вышел на пенсию.

Жил в пятиэтажке хрущёвской поры по улице Кирова и Трудового переулка. Комнаты тесные, его рабочее место

располагалось в квадратной комнате, наверное, 2,5 x 2,5 м. В комнате повсюду стояли и лежали книги, ими же был забит шкаф в другой комнате. У него были редкие, эксклюзивные тома, чего стоила, например, глыба «Справочник офицера».

Писал свою «Рацею старого ворона» – это повествование о человеческих судьбах, судьбах неординарных и подчас трагических. Его рацея – это ещё и назидательная речь, наставление, поучение, проповедь во имя человека. Это мысли мудрого, много повидавшего, много сотворившего, спокойного и доброжелательного человека.

Он глубоко знал не только историю государства Российского, но и европейскую, был человеком начитанным и эрудированным.

После выхода второго тома он давал интервью корреспонденту «Свободного курса» и тот спросил:

– О чём надо писать книги сейчас?

– Я бы написал, – ответил Юрий Яковлевич, – о человеческой порядочности. Её нет сегодня ни на каком уровне. Когда взорвалась Саяно-Шушенская ГЭС, всплыла информация: «Русал» был должен ГЭС 600 миллионов рублей, и, дескать, потому они не сделали что-то там. 600 миллионов!!! Но олигархов никто не смеет трогать, им всё прощается. А вот попробуйте задолжать квартплату за два месяца!

И ещё одно суждение его интересное. Корреспондент спросил: «Без реформ нашему государству не обойтись?».

– Какие реформы, там же ума нет. Там одна прямая кишка. Всё приватизировано, а ничего не работает. Ну, ничего. Вот простая такая вещь, тёрка, морковку тереть – и та из Китая! Мы что, не можем сами тёрку сделать? Всюду беспомощность и несправедливость; а ведь сила действия

равна силе противодействия. Я не знаю, доживу или нет, но будет чудовищный взрыв...

В 2007 году к 70-летию образования Главного управления МВД России по Алтайскому краю появилось объёмное издание «Служба Отечеству. Имена, даты». В нём представлен огромный пласт истории органов внутренних дел края и около 1000 известных, заслуженных и достойных сотрудников. Это летопись одной из государственных структур Алтая, летопись дел и славных имён.

Отведено место в ней портрету и биографии Юрия Яковлевича Козлова – дважды лауреату премии МВД СССР, русскому писателю и мыслителю.

Однажды мы сидели на диване и беседовали. Заголосил домашний телефон, Юрий Яковлевич взял трубку. Через минуту он бросил абоненту:

– Заходи.

Повернулся ко мне:

– Сейчас придёт интересный старичок. Ему под 90 лет, но пишет стихи.

Пришёл небольшого роста дедушка. Сухопарый, вязанная разноцветная тубетейка на голове, внимательные глаза, добрая улыбка на лице.

Познакомились. Это был Анатолий Васильевич Шестаков, он и, правда, начал читать свои новые стихи, изредка заглядывая в блокнот. Мне видны были ровные строчки с мелким бисером букв.

– Это ж надо сохранить такой красивый почерк, – подумалось.

Анатолий Васильевич оказался разносторонне одарённым человеком, письмо – это тоже дар. Педагог по призванию и образованию, он проявил себя и талантливым, большим поэтом. Он воспевал высокое в человеке, его

волновали идеи добра, справедливости и борьбы со злом. Он писал очерки, рассказы и фельетоны. Ему ничего не стоило процитировать А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова или Ф. И. Тютчева, он лично знал многих известных писателей, дружил с художниками.

Много лет работал в Алтайском государственном университете, защитил кандидатскую диссертацию. Писал книгу об отечественной истории поэзии, воспоминания о своём прошлом и писал стихи. Без них он не представлял своей жизни.

Когда прихватит вдруг миг смерти неизбежной,
И свет умрёт, и вечной станет ночь,
Хочу успеть сказать, что я люблю, как прежде,
Прекрасных женщин: мать, жену и дочь.

То была моя единственная встреча с этим удивительным человеком, но я помню и сейчас его голос, вижу его улыбку, помню его облик. Есть такая категория людей: западать в души других.

Юрий Яковлевич перенёс микроинсульт. Отлежал в больнице, поправился, ходил, управлялся с домашними делами, помогала дочь, жившая с семьёй неподалеку.

Он с детства помнил лётчика-истребителя Костылева, даже один раз видел его, когда с отцом заходил в какое-то кафе. Знал сложную, с крутыми зигзагами судьбу его и давно вертелась мысль написать что-то, да всё откладывал на потом.

Мы довольно часто общались с Юрием Яковлевичем по телефону, обычно по вечерам. И, наверное, не было ни одного разговора, когда бы ни возникало имя Костылева. Я понял, что лётчик-ас заполнил его ум.

– Займись им, Юрий Яковлевич. Давай я тебе наберу материалов из справочников, из Интернета. У меня много

мемуарной литературы касательно Балтийского флота, на-верняка, там о нём что-то есть.

Он согласился. Я принёс Юрию Яковлевичу внушительную стопку распечаток из Интернета и различных книг. Внук-школьник тоже находил какие-то факты. Исходного материала о легендарном лётчике у него было достаточно. Но...

Он рассказывал:

– Понимаешь, Алексей, что-то случилось со мной. Лежу, в мыслях всё складывается ладно и последовательно, страницу за страницей вижу. Я встаю, вытаскиваю машинку (он работал на портативной печатной машинке), вставляю лист бумаги, сажусь, печатаю, но духу хватает на 5-7 строк. Устал, не думается, не хочется писать. Сам себя не узнаю. Я же мог писать много и долго.

Он делал много попыток привести себя в рабочее состояние, восстановить творческий потенциал, былую увлечённость и интерес к теме.

Не получилось. Не написал он свой последний роман.

Юрий Яковлевич скончался 28 сентября 2017 года на 84-м году жизни.

На выносе выделялись два бравых подполковника в форме МВД России с огромным венком. Это был венок от руководителей Главного управления МВД по Алтайскому краю и краевого Совета ветеранов органов внутренних дел в знак благодарности и глубокого уважения к покойному, признанием его таланта и мастерства».

В 2003 году Юрий Яковлевич сформировал новую книгу – «Радея старого ворона», которая вышла в книжной серии «Библиотека журнала «Алтай» в 2004 году. Судьба книги стала счастливой – за нее автор был удостоен литературной премии им. В. М. Шукшина.

Получилось так, что в 2004 году пришли к Юрию Яковлевичу и радость и горе – в июне вышла книга «Рацея старого ворона» – для писателя это большая радость, а 30 сентября скончалась супруга Антонина Леонидовна, с которой они прожили без малого 41 год... Четыре десятка лет рука об руку, и в горести и радости, двое детей... И вдруг не стало. Потеря невозполнимая. Тогда Юрий Яковлевич впервые в жизни почувствовал себя высаженным с поезда посреди степи: «...садили тебя с поезда на перегоне посреди степи, и поезд пошел дальше, а ты стоишь один, без вещей и денег и не знаешь – куда идти? Где люди, где ближайшая станция? Что делать?.. Ужас!.. Вакуум в мозгах и в душе...» Выстоять, прийти в себя помогли дочь, внуки и, конечно же, литература.

Несколько оправившись от потери, Юрий Яковлевич засел за продолжение «РацеИ старого ворона». Писалось тяжело. Мешали воспоминания о прожитых годах. Бывало, проснувшись в два-три часа ночи, а то и раньше, он не смыкал глаз до самого утра. Детство, юность, молодость, зрелость... не на один раз мысленно прошелся по ним Юрий Яковлевич долгими ночами. Успехи и достижения – радовали, ошибки – огорчали. Но ничего не поделать – ошибок не исправить, слов сказанных – не вернуть. Что сделано, то сделано.

Тогда, после ухода супруги, Юрий Яковлевич впервые почувствовал ВРЕМЯ – как оно быстротечно и как его остается все меньше и меньше с каждым днем. А творческих наработок много, задумок и того больше. Он прекрасно понимал, что осуществить задуманное не получится при всем желании. Зря потеряет время. Необходимо выбрать важное и на нем сосредоточиться. И дай-то бог, чтобы это важное успеть завершить.

С годами у нормального литератора требовательность к себе и своей работе повышается. Не стал исключением и Юрий Яковлевич. Нередко случалось, что то, что было написано минувшим днем и вечером, утром вычитывалось и в лучшем случае правилось, в худшем – выбрасывалось. То не устраивало, как выразил мысль, то не нравился слог, то картинка казалась блеклой, размазанной, то, наоборот, ненужно яркой и т.д. Но работал, работал...

Очень сказался на здоровье Юрия Яковлевича распад Алтайской краевой писательской организации в 2005 году. Организация, которую он в прямом смысле слова спас в самые трудные годы, 1990–1996-е, когда не было денег на выплату заработной платы, когда часть продуктов и вещей первой необходимости выдавалась по талонам, как в военные годы, когда цены росли не по дням, а по часам, вдруг распалась надвое. Зачем? Ему лично это было непонятно. Откололась группа писателей во главе с главным редактором журнала «Алтай». Весь коллектив редакции поддержал главреда, и Юрию Яковлевичу против воли тоже пришлось последовать за ним, в противном случае пришлось бы уволиться. А это бы имело серьезные последствия – семейный бюджет уменьшался наполовину. Больной сын, у самого здоровье накренилось. На одни лекарства денег уходит тьма, и лишиться оклада заместителя главного редактора было просто невозможно. Начались склоки, дразги, от которых Юрий Яковлевич старался держаться подальше, но полностью дистанцироваться не удавалось – ввели одним из учредителей новой организации⁶⁵. Более того, приходи-

---

⁶⁵ Алтайская краевая общественная организация профессиональных писателей, зарегистрирована 22.02.2005.

Учредители: Слободчиков В. А. – ответственный секретарь, Вторушин С. В., Башунов В. М., Козлов Ю. Я., Родионов А. М.

лось принимать участие в хождении по кабинетам разных администраций, в отвоёвывании части бюджета организации, которую он возглавлял шесть лет... Печально и больно.

В 2006 году по ходатайству журнала «Алтай» и вновь созданной организации Юрий Яковлевич стал лауреатом муниципальной премии Алтайского края в области литературы, искусства, архитектуры и народного творчества. Весьма престижная премия. Вдохновленный Юрий Яковлевич упорно работает над продолжением романа «Рацея старого ворона». Но работа движется очень медленно. За рукопись, к сожалению, удастся засесть не каждый день. Причин тому много, в том числе и личное здоровье, и здоровье сына. Но как бы то ни было, а в конце 2008 года точка в романе была поставлена. К читателю книга вышла в конце 2009 года, в этот раз без редактора.

Раскол писательской организации, постоянные дразги, нападки друг на друга, в конце концов надоели всем, в том числе и администрации края, и в итоге, дабы прекратить междоусобицу и объединить всех профессиональных литераторов, руководство края создало КАУ⁶⁶ «Алтайский дом литераторов». Естественно, финансирование писательских организаций было прекращено, т.к. финансы перенаправили на содержание КАУ «АДЛ». Писательским организациям было предложено войти в штат «АДЛ». На общих собраниях шумели, спорили и не могли прийти к единому мнению. Переизбрали ответственного секретаря – новый ответственный секретарь В. Е. Тихонов наотрез отказался лишать писательскую организацию самостоятельности.

Ликвидирована АКООПП 30.08.2010 по решению суда.

⁶⁶ Краевое автономное учреждение зарегистрировано в ноябре 2009 г.

Год сохранял организацию, не получая заработной платы. Более того, В. Е. Тихонов находил спонсоров, чтобы выплачивать зарплату бухгалтерам, оплачивать коммунальные услуги и т.д.

Руководство журнала «Алтай» пошло иным путем – приняло команду «верха» перейти в штат КАУ «Алтайский дом литераторов» к исполнению безропотно. В декабре 2009 года всем сотрудникам журнала предложили написать заявление на имя директора КАУ Ю. А. Нифонтовой на перевод на работу в журнал «Алтай». Из здания редакции «Алтайская правда» (ул. Короленко, 105) редакция переехала в двухэтажное старенькое здание КАУ «АДЛ» (ул. Короленко, 73).

Позже Юрий Яковлевич рассказывал, что боялся, что его не примут, – как-никак, а ему уже шел 77 год. Перевели⁶⁷. На должность редактора отдела публицистики. Потеря в окладе не то чтобы большая, но ощутимая. Пришлось смириться – совсем остаться без приработка плохо. Кроме того, журнал являлся единственным местом, где Юрий Яковлевич чувствовал себя востребованным. Ходить на выступления, тем более выезжать за пределы Барнаула ему уже стало крайне тяжело – болели ноги, а работа в журнале давала живое общение и с коллегами, и с читателями, и с авторами.

С января 2011 года Юрий Яковлевич переведен редактором⁶⁸ в журнал «Алтай». Почему приняли? Увольнения-то не было. На этот вопрос не мог ответить и сам Юрий Яковлевич. Но пояснил следующее:

– Знаешь, шла какая-то не понятная мне игра. Вторушин все время выискивал какие-то причины, чтобы докопаться-

---

⁶⁷ Приказ по КАУ АДЛ № 40 от 31.12.2009.

⁶⁸ Приказ по КАУ АДЛ № 7 от 12.01.2011.

ся... Вот, мол, ты болеешь, тебе трудно на работу ходить... Я спрашиваю: претензии по работе есть? Отвечает – нет. Моральная атмосфера нагнеталась паршивая... какие-то недомолвки, шептания по закуткам... Неприятно было ужасно...

Но были и просветы в жизни. Так, например, при содействии А. И. Кобелева в феврале 2011 года Российский Совет ветеранов ОВД и ВВ наградил Юрия Яковлевича медалью «За активную работу по патриотическому воспитанию». Несколько позже, в ноябре того же года, Ассоциация писателей Урала наградила Юрия Яковлевича медалью «За служение литературе».

Приятно, конечно, получать награды, но что-то внутри подсказывало Юрию Яковлевичу, что за этим последует что-то не совсем хорошее. Предчувствие не обмануло – в начале декабря состоялся неприятный разговор с главным редактором – предложил уволиться по собственному желанию.

Юрий Яковлевич понимал, что главред выразил не только свое мнение, но и желание вышестоящих руководителей, а потому не стал спорить и уж тем более просить. Написал заявление с просьбой уволить по собственному желанию с 31 декабря 2011 года⁶⁹.

Глава IX

Что чувствует и думает человек, оказавшийся за бортом жизни? Да и где он, этот борт, как его определить? И вообще, как определить – в лодке жизни ты или за бортом? С одной стороны, если ты жив, звонишь кому-то, разговариваешь с кем-то, к тебе приходят и приезжают гости, вы си-

---

⁶⁹ Приказ по КАУ АДЛ об увольнении № 59 от 31.12.2011.

дите за столом, выпиваете, ты можешь писать и надеяться, что твое произведение будет опубликовано, ты нужен детям, внукам, значит, ты в лодке жизни. Так? Не совсем. Для писателя находиться в лодке жизни означает быть востребованным – читателями, коллегами, обществом. Делиться накопленным опытом, помогать «встать на крыло» начинающим писателям, участвовать в мероприятиях, жизни родной писательской организации. Когда этого нет, писатель чувствует себя в вакууме. В подобной ситуации оказался и Юрий Яковлевич после увольнения из журнала. Та организация, учредителем которой ему довелось быть после раскола Общественной Алтайской краевой писательской организации, с самого начала существовала только на бумаге. Но и ее не стало с 2010 года. Получалось, что он теперь нигде и никто. Практически всю творческую жизнь в гуще процесса, сам шесть лет создавал и руководил этим процессом и вдруг... вне его.

Работал с рукописями от случая к случаю. Да и работой-то такое назвать было сложно – так, зарисовки, наброски.

В одну из встреч с Юрием Яковлевым в декабре 2012 года я задал ему вопрос:

– Зачем Вы вышли из организации, которую шесть лет тащили из последних сил?

– Смалодушничал... – после долгого молчания ответил.
– Побоялся остаться без работы... человек, пока он активен, пока к чему-то стремится, всегда чего-то или кого-то боится. Боится обидеть словом, боится остаться один, боится отстать от толпы, боится думать не так как надо... Но настает время и он, человек, понимает, что боялся-то не того, чего бы следовало бояться. Но поздно, час расплаты уже настал... надо платить по счетам, или как там у Солоухина: время собирать камни?

Поняв, что задел больное место, я больше не стал затрагивать тем о писательской организации.

В начале марта 2014 года⁷⁰ Юрий Яковлевич перенес еще одну утрату – скончался сын Алексей. Ушла в мир иной еще одна родная душа. Тяжело и горько. О том, какое это для него было горе, Юрий Яковлевич никогда и никому из посторонних не говорил. Все в себе держал. Но то, что с ним случился вскоре после похорон сына инсульт, – показатель того, что переживал он сильно. Несколько оправившись от болезни, он сделал такую запись:

«В канун восьмидесятилетия я испытал ужас инсульта, три недели отвалился в больнице и вернулся домой, вдруг не узнал своей просторной «кельки». Не узнал и вдруг испытал отвращение к вернисажу картин, великолепным часам в обрамлении вечнозеленых зарослей искусственных гирлянд, стенке цвета ореха с китайскими цветами, фарфоровыми статуэтками – купающейся девушки и мифологического старика Лео.

Моя библиотека, которую я последние 50 лет собирал по крупицам, вдруг вызвала рвотный позыв. Я схватил первую попавшую под руку книгу. С трудом одолел десяток строк и понял наконец, что не врубаюсь в собственный текст.

Несколько свыкнувшись с новым состоянием и приняв его, я попробовал писать. На третьей строке потяжелела голова. Я едва сделал три шага до дивана и тотчас заснул...»⁷¹

Работоспособность восстановить не удалось. Но это уже не расстраивало Юрия Яковлевича. Смирился с тем, что есть. Он стал больше жить воспоминаниями. А в конце лета 2015 года ему сообщили, что в Интернете выставлена

---

⁷⁰ 08.03.2014.

⁷¹ Орфография и пунктуация сохранены.

отрицательная рецензия Остапа Шило на его роман «Рацея старого ворона». До этого Юрий Яковлевич следил за деятельностью Остапа Шило, собирал его рецензии и, в принципе, соглашался с его критикой и одобрял, потому как, на его взгляд, это единственный на Алтае человек, объективно, не в бровь, а в глаз, говорящий авторам об их произведениях. Сличив рецензии Шило с рецензией на «Рацею старого ворона», Юрий Яковлевич понял, что это дело рук С. Вторушина.

Откуда такая уверенность?

– Да я ж его знаю как облупленного, знаю его стиль, слог... это его почерк! Его подлая манера прятаться и прикрываться чужим именем. Он же в глаза боится сказать. Трус.

Ярость распирала Юрия Яковлевича. Несколько остыв, собравшись с мыслями, он надиктовал №⁷² ответ и попросил опубликовать под статьей мнимого Шило.

«Я узнал тебя, Вторушин. Узнал в каждой строке, где чувствуется потливость твоих грязных пальцев, кошачий визг и лютая ненависть к тому, кого тебе не дано догнать. В твоей публичной критике моего «Ворона» проглядывается не только литературная бездарность, но и неумение читать. Ты – невежда, хотя и кичишься двумя дипломами о высшем образовании, работой в газете «Правда». Тебе бы наняться смотрителем кладбища, ибо там, где берешься за дело ты, остается тлен и пустота. Думаю, ты услышишь настоящего Остапа Шило, чьим именем ты воспользовался, сочиняя свой пасквиль. Трус ты и пачкун. В будущем подписывай свою блевотину именем Белинского, Добролюбова, Писарева.

Они хоть не будут привлекать к суду за эксплуатацию их

---

⁷² Имя не указываю, т.к. человек не дал согласия.

имен. А твоя завистливая душа будет пушиться, как лисий хвост на ярмарке мехов.

Юрий Козлов, член СП России, лауреат премии МВД СССР, призер Всесоюзного конкурса очерков и трех местных премий края, Барнаула, общества Славянской письменности»⁷³.

Об этой истории я узнал летом 2016 года, в очередной приход к Юрию Яковлевичу. Тогда же он попросил меня обязательно включить его ответ в очерк. Я попробовал убедить его, что не стоит этого делать, но он был непреклонен: или ты публикуешь мой ответ, или никакого очерка не будет. Пришлось смириться.

Идея написать о нем очерк зародилась осенью 2015 года. Я предложил Юрию Яковлевичу самому описать всю свою жизнь, дабы избежать ошибок в биографии, ненужных приукрашиваний и т.д. И он на удивление легко согласился. Попросил только об одном – не подгонять его. А между делом мы сделали с ним четыре сеанса аудиозаписи. Наговаривая на диктофон, Юрий Яковлевич преобладался. Та придавленность жизнью, которая стала ему присуща после смерти сына и инсульта, улетучивалась. Он рассказывал оживленно, с радостью. Чувствовалось, что, рассказывая, он еще раз проживал то время, в котором был молод, деятелен, полон планов и надежд...

Ушел из жизни Юрий Яковлевич 28 сентября 2017 года, так и не успев дописать развернутую биографию и не закончив повести «Жим-жим» о молодых шахтерах и «Поручение» о сельском учителе.

Похоронен на Черницком кладбище г. Барнаула в квартале № 3.

---

⁷³ Орфография и пунктуация сохранены.

Яков Петрович Козлов, 1952 г.

Ю. Козлов, 5 лет и 3 месяца

Слева направо: мама – Наталья Васильевна, Юрий Яковлевич, с пилой папа – Яков Петрович. Январь 1941 г. Карельский перешеек.

Ю. Козлов, 1953 г. БССР.

Ю. Козлов с однополчанином, август 1954 г. д. Горочичи, БССР.

Ю. Козлов с супругой Антониной Леонидовной. Бийск, 1965 г.

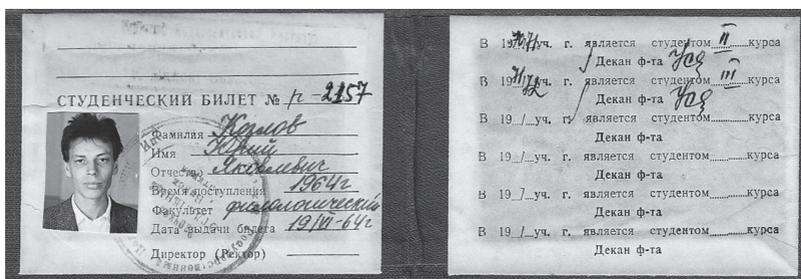
Редакция газеты «Бийский рабочий». Стоит второй справа Ю. Козлов.
Стоят слева: второй В. Шевченко, третий – И. Березюк.

Юрий Яковлевич с сыном Алёшей. Барнаул, ул. Северо-Западная, 216.

Ю. Козлов в газете «Бийский рабочий», 1972 г.

Студенческий билет.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Центральный Комитет ВЛКСМ
награждает
юбилейным значком ЦК ВЛКСМ

товарища *Козлова*
Юрия Яковлевича

в связи с 50-летием
Всесоюзного Ленинского
Коммунистического Союза
Молодежи.

Без комментариев.

„ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД. В ОЗНАМЕНОВАНИЕ
100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Козлов
Юрий
Яковлевич

от имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР

НАГРАЖДЕН ЮБИЛЕЙНОЙ МЕДАЛЬЮ

„ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД.

В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 100-ЛЕТИЯ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА“

Секретарь исполкома

Алтайского
краевого
Совета депутатов трудящихся

М. П.

И. Горюнов
31 марта 1970 года.

Без комментариев.

Без комментариев.

Ю. Козлов корреспондент газеты «Алтайская правда», июнь 1972.

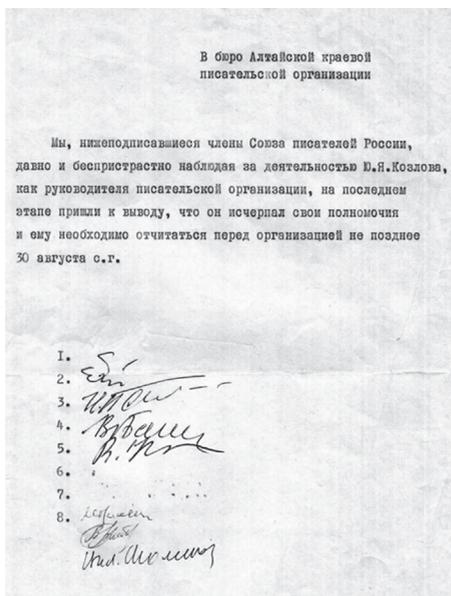
Без комментариев.

Слева направо: А. Ломакин, В. Астафьев, Г. Егоров, А. Егоров,
Ю. Егоров, Ю. Козлов, В. Озолин.

Москва. Декабрь 1990 г. VII съезд Союза писателей РСФСР.
В центре стоят: С. Михалков, Э. Каценштейн, Ю. Козлов.

«Черная метка»,
подробленная Ю. Козлову
в кабинет в доме на
ул. Анатолия, 102. Барнаул,
август 1996 г.

Подписи:

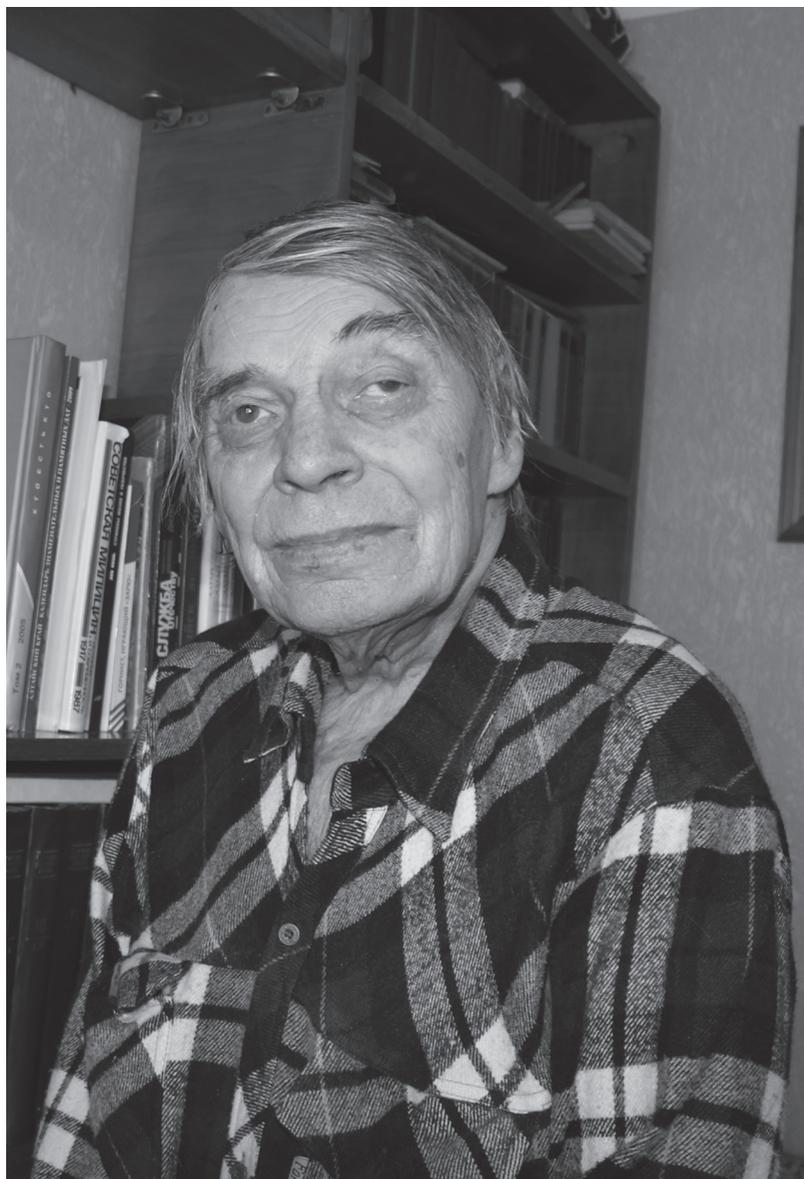
под № 2 – Е. Гуцин,
№ 3 – И. Пантюхов,
№ 4 – В. Башунов,
№ 5 – В. Нечунаев,
№№ 6 и 7 убраны
Ю. Козловым,
№ 8 – М. Юдалевич,
ниже – В. Свинцов,
последняя подпись
не установлена.

Сростки. Июль. Начало 2000-х.

Без комментариев.

Юрий Яковлевич 13.03.2016 г. (фото В. Шнайдера).

Кабинет Юрия Яковлевича, 03.02.2018 г. (фото В. Шнайдера)

Содержание

Вместо предисловия	3
Глава I.....	5
Глава II	9
Глава III	15
Глава IV	35
Глава V	48
Глава VI.....	70
Глава VII.....	81
Глава VIII	99
Глава IX.....	119

Книжная серия «Имена Алтая»
выпуск девятый

Шнайдер Владимир Александрович
Шнайдер Герман Владимирович

Юрий Козлов

(биографический очерк)

Редактор: А. Плющаев
Корректор: Е. Болтнева

Сдано в набор 24.12.2024
Подписано в печать: 00.05.2025 г.
Гарнитура Times New Roman
Формат 80х108/32
Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «СпектрПринт»
г. Барнаул, пр-т Калинина, 6а, офис 104
Тел. (3852) 226-801. E-mail: spektr315@mail.ru